

Наташа Кокорева

Круг замкнулся

Часть первая

Глава 1

Лезвие ножа врезалось в решетку поперек изогнутых прутьев. С кованых завитков слетели искры, зубы свело от скрежета.

– Проваливай! – прорычала тощая девчонка и опять ударила ножом по перилам моста. – Чего уставился?

Она грозно шагнула к Стелу и вскинула руку для удара в живот. Нет, глупости: она вряд ли умеет обращаться с оружием. Все это блеф, истерика.

Она даже не попытается его убить.

Наверное.

– Лезвие затупится, – Стел хотел сглотнуть слюну, но во рту пересохло.

– Затупится? Проверим? – прохрипела она и уперла лезвие в его грудь.

Вышло до того нелепо! Ясно же, она не сможет его убить.

Его – не сможет. А себя?

Эту бродяжку Стел увидел случайно, когда шел через парк. Непривычная тишина сковывала темные аллеи: горожане разошлись на вечернюю молитву, и только ветер скрипел ветвями, раскачивая масляные фонари. От старого пруда тянулся туман, к сырости примешивалась дымная горечь очагов и запах дворцовых конюшен. На горбатом мосту чернел тоненький силуэт оборванки. Веревка от ее шеи тянулась к камню у ног.

Стел не смог пройти мимо.

А теперь она угрожала ему ножом, сутуло ежась под суконной робой, и кусала обветренные губы. Стриженные кудряшки липли к потному лбу, острые скулы казались трогательно чумазыми, будто она по-детски размазывала слезы грязной ладонью.

Стел не шевелился, дышал подчеркнуто ровно и смотрел ей в глаза. Крапинки у громадных зрачков желтели болотными гнилушками, кровавая сетка оплетала белок, но больше ничего увидеть не удавалось. Магическое чутье Стела рассеивалось, скользило по ее коже как по мокрой брусчатке, отполированной поколениями горожан.

– Я верю, что нож острый, – Стел тщательно проговаривал каждый слог. – Давай не будем проверять? У меня нет оружия. – Он показал пустые ладони. – Я всего лишь проходил мимо.

Она опустила нож и ответила куда спокойнее:

– Так и иди, куда шел.

– Но я хочу побыть здесь. – Стел решил вести себя как ни в чем не бывало: будто они знакомы сто лет, случайно встретились сегодня в парке и она вовсе не собирается топиться. Он облокотился о перила, рискнув повернуться к ней боком – опасно, но только так можно попробовать ее переиграть. – Знаешь, почему я люблю это место?

Она осоловело выпучила глаза и молча облизала губы. Вотсе не девчонка – едва ли младше Стела, – видимо, худоба и угловатость сбили его поначалу с толку.

– В детстве мы с отцом кормили здесь лебедей, – продолжил он, не дожидаясь ответа. – Они жили в той высокой клетке посреди пруда, видишь? Смотритель выпускал их вечером, и они плавали вдоль берега, надменно выгибали шеи и вовсе не смотрели на людей. Но хлебные крошки с воды собирали.

– Болото тут теперь, и прутья из клетки этой твоей все повыломали, – бродяжка перегнулась через перила и сплюнула в воду, обнажив желтые зубы.

У нее желтые зубы!

– Закурить не найдется? – сообразил Стел.

Самоубийца скривилась и презрительно фыркнула:

– Ты не куришь!

– Никогда не поздно попробовать что-то новое! – он бодро подмигнул.

Она сморщилась сильнее – да, пожалуй, он переигрывал.

Из голенища ее сапога появилась облезлая коробочка с гравировкой в виде меча, пронзающего солнце, – символ рыцарей Меча и Света, защитников святой веры. Такая была у отца, но у нее-то откуда? Украла?

Непослушными от холода пальцами она расправила пожухлый овальный лист с короткими зубцами, высыпала травяную смесь, покатала пальцами, обмотала бечевкой и затянула. Заложив самокрутку за ухо, она занялась следующей с таким лицом, словно это было самым важным делом в ее жизни.

Или самым последним делом.

Стел заворуженно за ней наблюдал и вздрогнул от хриплого вопроса:

– Огнива нет? – бродяжка протягивала ему самокрутку.

Он потер большой палец об указательный – вспыхнул язычок пламени.

– А ты к тому же еще и маг... – она презрительно сощурилась, но все же приложила самокрутку к губам и склонилась к его руке. Огонек осветил застывшие в уголках глаз слезы. Бледные пальцы с обкусанными ногтями дрожали, и она несколько раз промахнулась, прежде чем прикурила.

– Да. А почему тебя это удивляет?

– Плевать на всех этим магам! Что твоим лебедям.

Стел усмехнулся: точно она подметила, хоть и грубовато. Лебеди смотрят поверх людских голов, но охотно собирают хлебные крошки – так и маги частенько презируют людей, но не гнушаются воровать крохи человеческого тепла.

– Не суди всех скопом, – Стел наконец примерился к самокрутке и закурил – и тут же зашелся кашлем: дым жестоко ободрал горло, оцарапал небо. – Это полынь, что ли?

– Да ты знаток... – хмыкнула она, еще раз глубоко затянулась и бросила окурочек в воду. – А теперь вали отсюда.

– «Вали и не мешай топиться»?

Она отвела глаза и подергала веревку. Со смесью ужаса и любопытства Стел наблюдал, как она, зажимая камень между боком и решеткой, взгромоздила его наверх. Вот же упертая! Можно, конечно, остановить ее силой, но нужно, чтобы поняла сама...

Главное – не молчать. Не молчать.

– Меня зовут Стел, – ляпнул он невпопад. – А тебя?

– Тебе зачем? Помолишься за меня в храме? – Она подтянулась на руках и села на перила рядом с камнем, ногами к внутренней стороне моста. Ее зрачки расширились еще больше, под глазами сгустились тени, заострился нос. Бойтся. Это страх дергает реснички на левом веке, блестит сухими слезами.

Стемнело. Фонари разгорелись ярче. Слов не осталось.

– Почему? – прошептал Стел одними губами.

– А почему нет? – она перекинула ноги в сторону воды и замахнулась коробочкой на клетку для лебедей.

– Не бросай! – Стел перехватил тонкое запястье, стылое от ветра. – Подарок отца?

Она замерла, крепко сжала пальцы и отрицательно мотнула головой.

– Значит, подарок твоего жениха. Он рыцарь Меча и Света?

– Стал бы, – глухо выдавила она и задрожала. – На другое утро после смерти.

Стел крепко прижал ее к себе и поднял на руки. Какая легкая... как ребенок! Она обхватила руками его шею и уткнулась в ворот. Горячие слезы щекотали кожу.

– Его убили рыцари, – пробормотала она. – Из-за меня.

Она плакала долго и тихо, будто никак не могла заплакаться.

Стел стоял в нерешительности и крепко прижимал ее к себе, ничего не понимая из потока бессвязных слов. Заметно похолодало, с темного неба посыпалась снежная крупа.

– Ты сможешь стоять? – тихо спросил Стел.

Вместо ответа она всхлипнула и сама потянулась ногами к брусчатке. Стел вытащил у нее из-за пояса нож, молча перерезал веревку и толкнул камень в воду. Гулко ухнуло, волны с утробным всплеском разбили рыжие отблески фонарей. Несостоявшаяся самоубийца мелко дрожала и оцепенело смотрела на пруд. Стел укутал ее шерстяным плащом и не спеша повел к лавочке под каштанами, где они долго сидели обнявшись, молчали и мерзли. Пороша засыпала слякоть, и любые слова казались лишними.

– Меня зовут Рани, – ее сиплый голос вырвал Стела из забытья. – И я не знаю, зачем ты мне помешал.

– С этим мы разберемся позже, – Стел удивился внезапной уверенности в собственном голосе. – А пока давай просто согреемся. Здесь неподалеку есть тихое местечко – «Белый кот»...

– Нет! – она подавилась всхлипом и отчаянно замотала головой.

Он с трудом удержался от лишних вопросов.

– Нет – значит нет. Тогда... – Стел задумался лишь на мгновение: матушка, конечно, ждала тихого семейного вечера, но он все равно уже безнадежно опоздал, да и выбора нет. – Идем ко мне?

Рани напрягла спину и отстранилась.

– Выдумашь тоже! – расхохотался Стел, когда понял, чего она боится. – Дома матушка и поминальный ужин. Сегодня отцу исполнилось бы сорок семь.

– Помер? – она недоверчиво скосила глаза.

Стел пропустил ее грубость и кивнул:

– Девятнадцать лет назад.

Они помолчали. Зеленоватая вода ловила отсветы фонарей, сугробы таяли грязной кашей. Весна запаздывала. Девятнадцать лет назад этот день выдался совершенно другим. Светило солнце и бликовало на новеньких ботинках, которыми пятилетний Стел нарочито громко топал по садовым дорожкам, прислушиваясь к отзвукам. Матушка развешивала к вечеру лампы с праздничными свечами и готовила ужин для полусотни гостей. Сегодня она зажжет только одну свечу: поминальную, с чабрецом.

– И зачем там я?

Стел вздохнул, резко поднялся и протянул ей руку.

– А это уже не твоя забота.

Она задумалась, а потом сжала его ладонь ледяными пальцами.

Торопливые шаги Стела эхом разносились по пустой аллее. Рани семенила следом, низко опустив подбородок. Ветви отбрасывали ломкие тени на брусчатку и белесые от изморози лавки. Вдалеке гулко цокнуло. Затем еще. И еще раз. Послышались низкие голоса. Прежде чем Стел успел сообразить, Рани толкнула его в колючие заросли ежевики и сама нырнула следом.

– Ты чего? – прошептал Стел, но она зажала ему рот и коротко кивнула на отряд рыцарей.

– Нельзя, чтобы они меня видели, – прошипела Рани.

Стел беззвучно выругался. Все было бы куда проще объяснить, если бы они не сидели в канаве, а спокойно продолжали идти. С колючих веток за шиворот стекали капли, колени уткнулись в грязный сугроб – и чулки тут же намокли. Подходящее место для учителя Школы магии Ерихема!

– Эй, кто там прячется? – голос рыцаря показался Стелу знакомым.

Ветви заплясали в кругу желтого света, и появилось широкое лицо и седые усы дядюшки Натана. Как назло патруль возглавлял наставник отца и давний друг семьи!

– Скользящая обочина и моя неловкость творят воистину чудеса, – нарочито громко рассмеялся Стел и выбрался обратно на дорожку.

– Стел? – мохнатые брови Натана сморщили лоб. – Что ты здесь делаешь?

– Зашел по дороге домой проведать памятные места. Сегодня годовщина...

– День рождения Грета, точно-точно. Как поживает Лесса?

– С матушкой все в порядке, вот только меня, должно быть, заждалась, – Стел переминался с ноги на ногу, показывая, что спешит.

– Да, что-то ты, дружок, припозднился, – Натан нахмурился и пригладил усы. – Я бы должен сопроводить тебя в храм для вечерней молитвы...

– С каких это пор рыцари сопровождают прихожан на службы?

– Да приказ этот новый... – вздохнул рыцарь. – Теперь собираем бродяжек в подворотнях да следим, чтобы никто не пропускал молитвы. Будто у нас других дел нету!

– Скучно? – сочувственно кивнул Стел.

Натан ухмыльнулся, в лукавых глазах мелькнули отблески фонаря.

– Ничего, скоро я отправляюсь в настоящий поход, как тогда с Гретом... тряхнем стариной!

– Поход? – оживился Стел, на миг в нем всколыхнулись детские мечты о рыцарстве, которые исчезли из его жизни после смерти отца. – И куда же?

– Все тебе расскажи, – старый рыцарь наклонился к Стелу и приятельски похлопал его по плечу.

Позади хрустнула ветка, и по спине молодого человека скатились капельки холодного пота.

– А кто там еще с тобой? – Натан приподнял фонарь.

Не хватало только слухов, что он путается с бродяжками!

Стел обернулся. Будто от ветра покачивались колючие ветви ежевики. Отсветом блеснула коробочка для курительной травы. Рани не было.

– Никого, – Стел заставил свой голос звучать ровно, как ни в чем не бывало наклонился за коробочкой и сунул ее в карман. – Мы хотели поужинать вдвоем, но, я уверен, матушка будет рада, если ты присоединишься к нам в этот вечер, – он вложил в голос лишь толику магии.

Натан подозрительно хмыкнул, но фонарь все же опустил.

– Нет, сынок, работа, как видишь, – пробормотал он и запрыгнул в седло. – Ладно, бывай. И обними за меня Лессу!

– Ты хоть зайди до этого похода, матушка будет рада! – крикнул Стел ему в спину.

– Постараюсь, если успею... – Натан уже не обернулся.

Когда гулкие шаги отряда стихли, Стел бросился обратно в кусты и сдавленно позвал:

– Рани...

Тишина.

Опять топиться? Сжав зубы до скрежета, он запалил магический светлячок и внимательно вгляделся в грязь. Отпечаток ступни, смазанный коленкой след, клочок мешковины на ветке. Стел мысленно выругался и полез в заросли. Далеко уйти она не могла.

Глава 2

За окном протяжно взвыл горн. Сиплый звук просочился в дверные щели, заглушая треск домашнего очага.

Мирта вздрогнула, нож замер над буханкой хлеба.

– Что это? – спросила она.

– Призыв к вечерней молитве, – Рокот пристально посмотрел на жену. – Новый приказ Ериха Великого. Глашатаи весь день кричали на рыночной площади, а рыцарям я объявлял лично.

– Мог бы и мне объявить, – Мирта поджала нижнюю губу и продолжила медленно резать хлеб. Ее маленький рот с возрастом стал суховатым, исчертился морщинками, но глаза все так же живо горели из-под опущенных ресниц. Темные кудри как в юности падали на лицо, отчего она привычно и мягко щурилась. Да, раньше не пестрела проседь, не сутулились плечи, талия была тоньше... но разве это важно?

Важно то, что сегодня он мог бы объявить и о новом приказе Ериха, и о том, что это последний вечер перед долгим походом. Но так не хочется разрушать тишину, пряную от запаха яблоневых поленьев и горячего хлеба.

Не хочется видеть в глазах Мирты страх. И тоску.

Рокот отвернулся к решетчатому окну. Тонкие струи дождя стекали по слюдяным кругляшкам, в которых дробились отсветы уличных фонарей.

– Тогда садимся ужинать, – вздохнула Мирта, – раз уж сам Ерих Великий теперь выбирает для этого время. Схожу за девочками.

Мягко скрипнула дверь, и только тогда Рокот обернулся, оглядел будто бы чужую гостиную, полную странно знакомых вещей. Бордовые гардины с золотистыми кистями, скатерть, вышитая Миртой, старинный буфет отца, высокое кресло у очага и длинная скамья напротив. Привычный мир с каждым выдохом становился все более чуждым.

Одну за другой он расстегнул без малого десяток пуговиц, снял жакет и остался в одной рубашке. Из внутреннего кармана выпал сверток, глухо стукнул о дощатый пол. Повесив жакет на спинку стула, Рокот поднял холстину, развернул и высыпал из алого шелкового мешочка четыре серебряных раструба.

Рано утром, еще до построения, Слассен, настоятель дворцового храма, перехватил Рокота в казармах и передал ему свиток с указом и распоряжением выделить отряды для подкрепления слов глашатаев: провожать каждого заблудшего прихожанина на вечернюю молитву. Внутри свитка лежал этот сверток. Вместо пояснений Слассен растекся лягушачьей ухмылкой и пообещал вечером навестить Рокота дома.

Да, это именно то, чего так не хватает, – храмовник за ужином!

Какую тайну скрывают раструбы? Почему мешочек из шелка? Он не пропускает тепло, но храмовник не должен пятнать себя магией. Тем более главный храмовник.

Тяжелая дверь приоткрылась, в столовую скользнула Лилу и присела в глубоком реверансе. Рокот поспешно схлопнул сверток, сунул его в карман.

– Мир и покой этому вечеру, Лилу.

– Мир и покой, отец, – она озорно вскинула голову, разметав темные, как у матери, кудри, и с ногами забралась на стул. Платье малиновыми складками спустилось до пола.

– Новое платье? Взрослое? – Рокот не мог сдержать улыбки: до того у дочери от гордости разгорелись щеки. – Тогда и сидеть надо как взрослая. Опустит ноги, выпрямит спину...

– Урок хороших манер? – рассмеялась Мирта и за руку подвела маленькую Амалу к столу.

Лилу покраснела еще сильнее, и Рокот сменил тему:

– Все слышали горн? С сегодняшнего дня это сигнал к началу вечерней молитвы. После него вы должны поспешить домой или в ближайший храм.

Он сел за стол и поднял над головой ладони, сложенные лодочкой. От огрубелой кожи отразилось тепло, собралось плотным сгустком. Прежде, когда он ничего не понимал в магии, это казалось всего лишь теплом человеческого тела. Но теперь он знал: это и есть то самое тепло, что течет в основе любого заклания.

Мирта зажгла толстую лавандовую свечу в середине стола.

– Сарим, прости... – начал вслух Рокот, закрыв глаза.

Дочки, сбиваясь, вторили ему. Мирта пела без слов, низко и бархатисто.

– Сарим, помоги. Увидеть цель, путь и спасение... – заученная молитва бездумно слетала с губ.

Треск очага, голоса девочек – настолько привычные, что эти звуки уже не замечаешь. Их будет не хватать. Рокот дернул головой и зажмурился сильнее. Из-за отъезда лезет в голову всякая чушь.

– Сарим, спасибо за день и за хлеб! – писк Лилу выбился из молитвы.

И оборвался на самой высокой ноте.

Справа потянуло холодом.

Рокот открыл глаза и остолбенел.

Бледная, будто обмороженная, Лилу медленно сползала на пол. Руки плетью повисли вдоль тела, малиновой пеной оседали кружевные оборки. Распахнутые ресницы белели изморозью, узкие зрачки иглами скололи стылое лицо, серые губы остались растянуты словом «хлеб». А на столе искрилась широкая полоса инея – наискосок, от дочери к отцу.

– Лилу, Лилу! – бросился к ней Рокот. – Ты слышишь меня?

Она мелко задрожала и прижалась к нему всем телом. Она дышала. Хвала Сариму – дышала!

Подлетела Мирта с причитаниями и охами.

– Она жива, Мирта. Помолчи, – отрезал он, не глядя на жену. – Прикажи жарче растопить камин в детской. И пусть согреют воды.

Рокот укрыл дочь жакетом, поднял на руки, вышел в холл и стал медленно подниматься по широкой лестнице. Дрожь стихла, Лилу вцепилась руками в его шею и натужно сопела. С каждым вдохом щеки ее розовели, лицо оживало. Рокот потянулся магическим чутьем, обволакивая собственной сутью каждый кусочек ее души, до которого мог достать. Жизнь пульсировала мерно и уверенно, насколько он мог судить.

С детства Рокот мечтал стать рыцарем Меча и Света, защитником веры, и потому не мог пятнать себя магией. Но жизнь распорядилась иначе, и однажды между святостью и жизнью он выбрал жизнь: выучился у пленного степняка магии, исцелил от бесплодия Мирту, и в итоге у них родились две замечательные дочери. Но он все еще оставался нестабильным магом. Нестабильным и неучтенным.

Но даже случайно он не мог сотворить этого с дочерью. Нет, таким заклятием он не владел.

– Дыши глубже, дыши, – он попытался ободряюще улыбнуться.

– Не надо, твой оскал только пугает ее, – Мирта обогнала их и открыла дверь в детскую, вытащила из сундука пуховое одеяло, расстелила постель. Бледная, она двигалась выверенно и точно, а на сухих щеках не блестело ни единой слезинки. Больше никакой паники, лишних вздохов и слов – она вновь обернулась той самой Миртой, что когда-то помогала в степях раненым. Той самой девочкой, в которую была влюблена половина Ерихема.

Рокот уложил дочку, снял с нее туфли и укутал до самого носа. Согреваясь, Лилу моргала все реже и соскальзывала в дремоту.

– Искупай ее в теплой воде и останься тут, пока она не уснет. Убаюкай, как в детстве.

Маленькая Амала испуганно застыла в дверях, только поблескивали в полумраке мышинные глаза-бусинки.

– Заходи, побудь с сестрой, не бойся, – Рокот подтолкнул дочь в спину и помог забраться на высокую кровать.

– Что... это было? – мертвенным голосом прохрипела Мирта.

Он медленно вдохнул, еще медленнее выдохнул и произнес тихо, но четко:

– Я не знаю.

И он действительно не знал. В степях, во времена войны, случалось подобное. Рыцари между собой прозвали это «белой лихорадкой». Неведомое заклятие иссушало человека до последней капли тепла, и оставалась лишь пустая оболочка, которая потом медленно умирала. Так ушел Грет, самый верный друг и в то же время самый заклятый соперник Рокота. Некоторые выживали, если удавалось их отогреть. Рокот не был целителем, но знал, что Лилу выкарабкается: простое человеческое участие, нежность Амалы, голос Мирты, треск очага наполнят ее жизнью не хуже, чем справилась бы магия.

– Она будет жить, – сказал он вслух. – Я видел такое. К утру с ней все будет в порядке.

Понять бы еще, что именно отобрало у нее тепло.

Мирта не мигая смотрела ему в глаза, он почти слышал невысказанные вопросы. Но она лишь медленно кивнула, присела на край кровати и положила ладонь на холодный лоб дочери. Они обязательно вернуться к этому, но не сейчас.

Трижды ударили в дверной колокол.

– Это ко мне, – бросил Рокот и поспешил вниз.

Старая Нама уже ковыляла с кухни.

– Я сам открою, иди в детскую, там нужна помощь.

Рокот сбежал с лестницы и замер на миг, придавая лицу бесстрастное выражение: расслабить лоб, губы, глубоко вдохнуть, выдохнуть – и открыть дверь.

По гравию дорожки шуршал дождь, тянуло сыростью, талым снегом. Никого нет?

– Мир и покой этому дому.

Из темноты возник храмовник. Под необъятным капюшоном не разглядеть лица – только бледнеет длинный нос да на груди сплетаются паучьи пальцы.

– Мир и покой, – без улыбки поприветствовал Рокот. – Будь желанным гостем этого дома.

– Всенепременно, – шелестящий голос слился с шорохом одежд.

Рокот закрыл дверь на засов и принял у храмовника мокрый плащ. Расправив бесчисленные складки нижнего балахона, Слассен сдвинул капюшон на затылок, обнажив бритую голову, тряхнул длинными рукавами и наконец поднял на хозяина водянистые глаза.

– Проходи, мы как раз собирались ужинать, – Рокот поспешно толкнул дверь в комнату.

– Спасибо, но откажусь. – Храмовник прошуршал по залу и присел на край скамьи. – Я тороплюсь: дома меня ждет прощальный ужин.

– Прощальный?

– Я возглавляю служителей в походе. Завтра весь день сборы, переночуем с учениками в казармах и выступим на рассвете с вами.

Рокот присвистнул и опустил в высокое кресло напротив.

– Неужели больше некого отправить в лес?

– Далеко не все служители готовы принять то чудо, что стараниями Ериха Великого и брата его Мерга каждый верноподданный во время службы сможет дотянуться до Сарима и отдать животные страсти в обмен на священный покой. Для подготовки людей требуется время, а поход откладывать нельзя. Потому мне и приходится участвовать лично.

– Отдать животные страсти в обмен на священный покой... – Рокот задумчиво потер подбородок. – Но разве не это делают прихожане на каждой службе?

– Именно, но теперь... теперь у нас есть истинный ключ к сердцу Сарима. – Глаза Слассена лихорадочно заблестели, и он вкрадчиво добавил: – У тебя есть ключ.

– Ключ? – едко переспросил Рокот.

И вдруг горло прошило холодом.

Священный покой. Животные страсти. Жизнь. Тепло. Ключ к сердцу Сарима. Иней на ресницах Лилу.

– Так это из-за них?! – Рокот бросил холстину с серебряными раструбами на стол и сдавил рык так, что голос прозвенел не гневом, а презрением.

– Ты вынул ключи из шелка?! – Слассен округлил глаза и прикрыл рот узкой ладонью.

Рокот сладко улыбнулся:

– Зачем оборачивать шелком «ключи к сердцу Сарима»? Они же не запятнаны магией?

– Пути Сарима неисповедимы, – Слассен благоговейно сложил ладони лодочкой передо лбом, затем поднял их над головой и раскрыл, выливая священный покой. – Такова воля божия.

– Такова воля Ериха. – Рокоту хотелось кричать: «Что это было? Что оно сделало с Лилу?! Как оно это сделало?», но в разговоре с настоятелем дворцового храма каждое неосторожное слово может слишком дорого стоить. – И как же действует это... чудо?

Слассен только передернул острыми плечами под тонким балахоном.

– На то оно и чудо. Мы не должны понимать. Мы должны верить, доставить их в лес и закрепить в шпиль каждого нового храма.

– Но почему мы не делимся этим «чудом» с жителями славного Ерихема? – склонился вперед Рокот.

– Такова воля божия, – невозмутимо повторил Слассен.

Рокоту осточертели эти танцы и интриги, когда он чуть не потерял Лилу!

– Сегодня, во время вечерней молитвы, моей дочери стало плохо. Ключи не были в шелке. Это из-за них?

Слассен трижды моргнул, пристально глядя ему в глаза:

– Из-за ключей? Чушь. Должно быть, женское недомогание. В ее возрасте моя сестра порой жутко страдала.

Рокот молчал и, кажется, слышал скрип собственных зубов. Любое слово, которое он мог сейчас выплюнуть в лицо храмовнику, стало бы последним его словом в роли главнокомандующего и защитника святой веры.

Нельзя. Времена безрассудства давно прошли.

Слассен поднялся и набросил капюшон балахона.

– Никто не должен знать о ключах – только ты. Ты проводник божьей воли в этом походе.

– Я проводник воли Ериха, – прошипел Рокот.

Верить ли ты делам своим больше, чем священным книгам?

– Ерих Великий верит тебе как самому себе.

Готов ли перед богом ответить за приказы монарха?

– Раз уж сам Ерих верит, – Рокот смиренно склонил голову.

Храмовник торжествующе улыбнулся и поспешил к выходу. Рокот последовал за ним, помог накинуть плащ.

– Почему ты не объяснил все в казармах? – не удержался Рокот.

Храмовник высвободил руку из бесчисленных складок, поправил капюшон и безмятежно улыбнулся.

– У каждой стены есть уши. Твоя семья много лет надежно хранит твои тайны. Не так ли? Ерих доверяет Мирте куда больше, чем обитателям казарм. Разве за всеми уследишь? К тому же, зная, что рискуешь ты семьей, Ерих верит тебе даже больше, чем самому себе.

Не мигая, Рокот продолжал смотреть на Слассена. Жар поднимался из груди и волнами расходился по телу. Все эти годы Ерих знал его тайну о магии? Знал и хранил, чтобы использовать с выгодой. Теперь всего лишь представился случай.

– Мир и покой, – дружелюбно поклонился храмовник и скрылся в промозглой темноте.

Рокот плотно закрыл дверь и прижался лбом к холодному дереву. Захотелось исчезнуть.

Позади зашуршала юбка.

– Ты все слышала? Да, я снова ухожу в поход, – Рокот резко обернулся и стремительно подошел к Мирте.

– Снова на десять лет?

– Нет, я вернусь к осени. Четыре ключа – это всего лишь четыре храма.

– Всего лишь четыре храма для тех, кому и вовсе они не нужны?

Он крепко прижал ее к себе, вдохнул теплый запах дома и прошептал:

– Я вернусь к осени. Никому не говори о том, что сегодня случилось, и о том, что ты услышала. Ничего не бойся. Мы несем свет Сарима в лес. Мы строим храмы. Только и всего.

Он резко отстранился и отошел к окну. По слюдяным кругляшкам все так же стекала вода. Фонари погасли.

– Ты веришь в это дело? – тихо спросила Мирта.

Рокот долго молчал, провожая взглядом капли дождя.

– Как Лилу? – вместо ответа спросил он.

– Лучше. Согрелась и крепко уснула, – без дрожи в голосе ответила Мирта.

– Я обязательно вернусь.

Мирта крепко прижалась к его спине и обняла доверчиво, как только что обнимала Лилу.

– Ничего никому не говори, – по слогам повторил Рокот.

Глава 3

Взмах березовой метлы – лежалая трава в сторону, взмах – и чернеет земляной пол. Заметная работа всегда радовала Беянку: куда веселее убирать, когда сора скопилось много. А уж наряжать избу первоцветами в канун Нового лета – одно удовольствие!

Пахло небом. Сырой ветер, напоенный талой водой, рвался в раскрытые ставни, надувал штопаные занавески. На перемете раскачивались пучки трав, завывали щели между рассохшихся за зиму бревен. Подхватив левой рукой кадушку с водой, Беянка плеснула через край и продолжила мести.

– Эй, подол зальешь! – Ласка подняла босые ноги на лавку и подтянула зеленый сарафан, расшитый понизу желтыми одуванчиками. – Подарок матушки, к празднику!

Подарок матушки...

Матушка Беянки лет десять назад ушла на запад. Отец погоревал-погоревал да и отдал дочку в ученицы тетушке Мухомор, а сына Ловкого воспитал сам – с мальчишкой-то яснее. Беянка здесь выросла, но домом избушка ведуньи ей так и не стала.

Ласка продолжила с упоением расчесываться: глубоко разделяя гребнем смоляные пряди, плавно проводила до кончиков, потом вскидывала острый локоть – и волосы густой волной укрывали спину, а она снова поднимала гребень к затылку. Беянка невольно залюбовалась: брови изгибаются коромыслами, ресницы трепещут крыльями бабочки, а на подбородке такая мягкая ямочка... У самой-то ни бровей, ни ресниц не сыскать – светлые, как пересохшая солома.

– Что уставилась глазами побитой собаки? – задрала нос Ласка и усмехнулась.

Будто она тут хозяйка! Раз младшенькая Боровиковых, которых полдеревни, то можно зарываться?

– Тетушка Мухомор тебя просила на стол накрыть, – осторожно напомнила Беянка.

Ласка скривилась, а потом вдруг приторно улыбнулась:

– Скажи, Белка, а с кем ты собралась на празднике танцевать?

Щеки запылали, и Беянка отвела взгляд. Вцепившись в метлу, она принялась остервенело драть земляной пол. Завтра день встречи Нового лета и ее первые танцы. Ласка уже два лета танцует в круге костров, и оба раза ее приглашали парни под балладу о тех, кто даже на запад ушли вместе. На что надеялись? Ученицы ведуньи обречены на одиночество и ни с кем не могут обручиться, не бросив волшбу. А разве ее бросишь? Это как дышать перестать.

– Не пойду я, – буркнула Беянка, вжимая голову в плечи.

– Глупость какая! – фыркнула Ласка и легко вскочила с лавки, подбирая подол. – А я в этот раз отвечу поцелуем.

– Поцелуем? – ахнула Беянка. – Разве ты знаешь, кто тебя пригласит?

– Это вся деревня знает, дурочка! – усмехнулась Ласка и закружила Беянку по мокрому полу, а потом резко остановилась и склонила голову набок. – Ведь и тебя можно сделать миленькой. Подчернить ресницы, подрумянить губы да волосы попышнее уложить...

Беянка нахмурилась. Что-то тут неладно: сколько лет бок о бок прожили, но помощи от нее никогда не было.

– Не веришь – и правильно! – Ласка сощурилась. – Обмен такой: я тебя к празднику наряжаю, а ты за меня сегодня по дому: на стол там накрыть или что еще просила наша грымза...

– По рукам! – поспешно выпалила Беянка.

– Ха! Вот ты и попалась! – больно ткнула ее пальцем в грудь Ласка. – Хочешь кому-то понравиться? Говори кому!

Стрелок. Она хочет танцевать со Стрелком. Немногим старше Ловкого, Стрелок уже который год Отец деревни. И пусть мужики постарше косятся – мол, мальчишка и вся заслуга его в том, что единственным сыном остался у Серого, Беянка точно знала, что именно он – лучший Отец деревни, справедливый и сильный, настоящий сын Леса. И именно потому ученица ведуньи ему не пара: он в ответе за всю деревню. Да и девочки за ним бегают стаями, есть из кого выбрать.

– Да не красней ты как мухомор, подыщем мы тебе паренька. – Растопырив пальцы, Ласка положила руку на макушку Беянки и взлохматила косу, в лицо полезли светлые волоски. – Вон Русак, чем не парень? Рыжий, что твой братец, и такой же шуганый, как ты. Он уже танцует в это лето или еще не дорос?

Беянка вывернулась из-под ее цепкой руки и отскочила в сторону.

– Не нужен мне Русак! – прошипела она сквозь стиснутые зубы.

– Что за шум? – дверной проем загородила тетушка Мухомор. Круглые щеки покраснелись, на груди распахнулась меховая безрукавка, от широких бедер расходилась пестрыми клиньями юбка. – Там совсем уж весна – жарко! – тяжело вздохнула ведунья и ввалилась в избу.

– Мы как раз к завтрашним танцам и готовимся, – нашлась Ласка и мило улыбнулась.

– Нечего вам там делать! – тетушка Мухомор сняла красный платок и поправила серую с проседью косу, закрученную по голове. Беянка с детства восхищалась, как ведунья управляется со своими волосами до пят.

– В старости насидимся на лавках! – огрызнулась Ласка и вновь подхватила гребень.

Тетушка Мухомор проворно щелкнула ее по носу. Беянка даже зажмурилась, зная, как это больно.

– Не огрызайся, егоза! Хватит хвост начесывать, почему на стол не накрыла?

– Так я подмела, а Белка вон уже кружки несет, – она пристально посмотрела на Беянку, и та послушно потянулась к полке.

Следом за тетушкой Мухомор вошла Горлица, старшая ученица. Плотно закрыла за собой дверь, повесила тулуп на крюк и, едва сполоснув руки и лицо, занялась у очага: подкинула щепы, чисто вымела плоский камень, натерла жиром, достала с опары тесто, и скоро запахло свежими лепешками. По обыкновению безмолвная Горлица проворно переворачивала румяные кругляши, спокойно и выверенно. Не ссутулится, нагибаясь над очагом, не вскрикнет, случайно коснувшись огня, не улыбнется заслуженной похвале.

После завтрака тетушка Мухомор вытащила связку оберегов. Белянка пригляделась – охотничьи: колючки чертополоха, перья ястреба и клыки вепря, сплетенные кожаными шнурками, чтобы стрелы были меткими, глаза зоркими, руки сильными.

– Белянка, отнеси это Стрелку, – попросила ведунья.

В груди гулко ухнуло, и часто-часто застучало в ушах.

– Я могу отнести! – подскочила Ласка.

Белянка стиснула зубы, но ее спасла тетушка Мухомор:

– А тебя матушка домой просила зайти. Мы с Горлицей только оттуда, что-то козы у Боровиковых запаршивели.

Ласка поджала губы, а Белянка с радостью забрала обереги, накинула тулуп и выбежала за дверь. Раскинув руки, она поднялась на цыпочки – скрипнул старый порог – и зажмурилась. В грудь ворвался запах хвои и влажной земли. По ресницам рассыпалось веером радуг солнце.

Избушка ведуньи стояла на холме под старой сосной, и деревня просматривалась как на ладони. Внутри крутой излучины реки – с юга на запад – пестрела Большая поляна зеленью и синими подснежниками, будто ветер разбрызгал по земле небо. От поляны вились утопанные тропинки, петляли вокруг деревьев от одной землянки с травяной крышей до другой, огибали холмы и овраги, тянулись к прогалинам. У воды меловыми брусьями белела гончарная мастерская Боровиковых, а в остальном сложно было отличить, где заканчивалась деревня и начинался нетронутый лес.

Белянка побежала по склону. Хлюпали талым снегом деревянные подошвы, брызги летели из-под пяток, а глаза слезились – до того ярко блестела широкая река. Ветер свистел в ушах, и казалось, что можно подпрыгнуть, расправить руки и взлететь. Подняться высоко-высоко над верхушками сосен и увидеть весь мир. Яркой лентой будет виться река, чернеть зимним сумраком лес, горы будут вгрызаться в небо как волчьи зубы, и где-то далеко-далеко, за краем мечтаний, взвояет яростным штормом море.

– Зашибешь! – раздался крик, и Белянка едва успела увернуться от Русака, но тот все равно с перепугу врезался в дерево.

– Куда так несешься? – он обиженно откинул рыжий вихор со лба, потирая ушибленное плечо.

Уши лопухами, нос задран, а сам на голову ниже Белянки – дите дитем! И это с ним Ласка ее свести хочет?

– Надо успеть Стрелку отдать до охоты, – она потрясла у него перед носом оберегами.

– А... – широко открыл рот Русак и закусил губу набок. – Так они с твоим братцем уже того. Ушли. А меня не взяли. Сказали, мал еще, опять мне целое лето коз пасти...

– Успеешь еще наохотиться! – ласково улыбнулась Белянка и потрепала его по кудрявой макушке. – Коз пасти тоже уметь надо!

Мальчишка так и зарделся, а она пошла не спеша, заглядывая за грань в поисках знакомых запахов. Сухие листья и кора дуба – это Ловкий, солнечно-рыжий братец. Вот его след тянется с тропы на Нижнюю Туру мимо ветхой, крайней от воды землянки и уходит через всю поляну вниз по течению реки. Стрелка почуять сложнее, с братом-то кровная связь, а Стрелок неуловим и пахнет так же неуловимо: перегретыми на солнце камнями и свежей водой. Замерев, Белянка почуяла его в порыве ветра – и потеряла. В груди защекотало, защипало мимолетными слезами веки.

По ясному следу брата она скоро догнала их и замедлила шаг, ступая бесшумно, чтобы не спугнуть охоту. Губы зашептали присказку-невидимку, вновь и вновь возвращаясь к началу, по кругу:

Свет-свет, обойди,
Тьма-тьма, сохрани.
Не сгуби – сбереги,
Глаз-сглаз отведи.

Неприметная, Белянка подошла близко-близко и притаилась за тучным дубом, осматриваясь.

Стрелок уперся ладонью в ствол сосны, внимательно посмотрел на Ловкого и произнес с нажимом:

– Я тебе говорю, был такой старый обычай: перед днем встречи Нового лета деревни обменивались женихами и невестами!

Еще ни разу не видела Белянка, чтобы у него так румянились щеки – голубые глаза оттого казались еще чище, светлее. Зато сжатые в тонкую линию бледные губы, желваки на скулах и подбородок упрямством могли поспорить даже с Ловким, который отчаянно тряс копной медовых волос:

– Не слышал такого я! Это все больно умный Кряж сочинил, чтобы наших красавиц себе в Нижнюю Туру прибрать!

У брата даже веснушки разгорелись! Или это из-за весны?

– Да что ты так кипятишься? – Стрелок вскинул густые светлые брови. – Или глаз на кого положил?

– Да ну тебя! Сам хорош! Вот бы женился на внучке Кряжа – и деревням на пользу, и старика бы уважил! – он упер руки в бока.

Чтобы смотреть Стрелку в глаза, Ловкому приходилось задирать голову. Но держался он уверенно. Широко расставив ноги и шумно дыша, ждал ответа. Стрелок, прищурившись, разглядывал друга и не спешил. Задумчиво вырисовывал указательным пальцем круги по стволу, и что-то такое плескалось в ясных глазах, что Белянку бросало то в жар, то в холод.

Больше жизни ей хотелось услышать ответ.

Больше смерти она боялась его услышать.

Лучше не знать, если ему и вправду по сердцу внучка старого Кряжа!

– Это было бы разумно, – осторожно начал он и вдруг улыбнулся – безмятежно, открыто, будто и не было тяжкого раздумья. – Но ты знаешь, кто мне нужен.

Словно ушат талой воды на голову!

Белянка с трудом вдохнула и продолжила исступленно шептать заклятие-невидимку.

Мохнатые брови Ловкого сошлись на переносице:

– Каждая вторая девчонка в деревне думает, что это именно она!

Пальцы Белянки впились в шершавую кору дуба, она наклонилась вперед...

Горячее дыхание опалило правое ухо, хлынули по спине мурашки:

– Меня глупой присказкой не обманешь! Я слова знаю! Вздрогнув, Белянка повернула голову – по лицу хлестнули смоляные волосы. Ласка, поставив руки на бедра, шептала обратное заклятие:

Свет-свет, покажи,
Тьма-тьма, прояви,
Не сгуби – помоги,
Морок с глаз убери.

Зыбкое покрывало чар разлетелось невесомой пылью.

Ласка с жаром прошептала:

– Ай-ай-ай! Как нехорошо подглядывать и подслушивать!

– Я всего лишь хотела отдать обереги, – запинаясь, выдавила Белянка.

– На Стрелка полюбоваться пришла? – Ласка с наслаждением растягивала слова. – До того надоело смотреть, как ты бегаешь за этим дурнем! А он тебя даже не замечает!

– Больше всего я не хочу, чтобы меня кто-нибудь замечал, – глухо выдавила Белянка.

– Вот-вот, вся ты в этом, – зашипела Ласка.

– Что это вы здесь делаете? – из-за дуба выглянул Ловкий и удивленно округлил губы.

– Я... мы... – растерялась Белянка и подняла обереги. – Вот. Тетушка Мухомор велела передать.

– О! – Подошел Стрелок, забрал связку, легонько задев ее кисть кончиками пальцев. – Я и забыл про них!

От носа падала тень, и оттого он казался еще длиннее, но Стрелку шло: и гладкие волосы, растекающиеся в стороны, и острые скулы, и тяжелый подбородок. Но главное – глаза цвета высокого летнего неба.

– Кхм, – выразительно кашлянул Ловкий и толкнул Стрелка в бок. Тот обернулся, выставил перед собой левую ладонь и коротко подмигнул ему. – Смотри! Ты обещал мне.

– Я когда-то не сдерживал обещаний? – Стрелок хлопнул его по спине.

Ласка вылезла вперед, отпихнув Белянку плечом, и елеинно пропела:

– Раз уж мы здесь, может, возьмете нас на охоту?

Ловкий окинул ее с ног до головы протяжным взглядом, довольно улыбнулся и покосился на Стрелка:

– И ты таких смелых девчонок в Нижнюю Туру отдать хочешь?

– Сдаюсь! Теперь все сам вижу и так подставить тебя, друг, не могу! – Стрелок шутливо поднял руки, а потом серьезно добавил: – А с Кряжем мы как-нибудь договоримся.

– Дао чем вы?.. – не выдержала Белянка.

– Уже не важно, – махнул рукой Стрелок. – Спасибо за обереги, но на охоте опасно, а таких красавиц нам нужно беречь!

Ласка так и зарделась.

– Тогда поцелуй на удачу? – Ловкий распахнул ей навстречу объятия, на щеках заиграли глубокие ямочки.

Она хитро улыбнулась, плотно сжав губы, и сверкнула темными глазищами:

– Ну, если вы не боитесь будущих ведьм! – шустро наклонилась, проскользнула у него под рукой и поцеловала Стрелка в щеку.

– Э... Ласка? – вытаращил он глаза.

– На удачу! – пожалала она плечами.

– А мне кто удачи пожелает? – повернулся пунцовый Ловкий.

Ласка расхохоталась:

– Сестрица твоя ненаглядная!

Белянка быстро чмокнула Ловкого в лоб и тяжело вздохнула. На душе стало паршиво.

Когда парни скрылись за деревьями, Ласка больно сжала плечо Белянки и с жаром прошептала ей на ухо:

– А после танца я его поцелую в губы.

Чтобы не разреветься, Белянка изо всех сил стиснула зубы.

У вершины сосны отмерял удары сердца дятел, и оттого особенно пронзительно звенела тишина.

Глава 4

– Не знаю, – Эман закинул ногу на ногу, взъерошил каштановые кудри и насмешливо глянул на Стела.

– Ты не знаешь, в каких отношениях состоят жители степей и жители леса? – терпеливо повторил Стел.

Сквозь распахнутые ставни лилось предвесеннее солнце, которое рисовало на белых стенах тени ученических парт. Пахло талой водой.

– Не, не знаю, – ухмыльнулся Эман.

Крупные миндалевидные глаза нагло блестели из-под густых ресниц – любая барышня позавидует. Правящая династия Рон сохранила куда больше саримской крови, чем любой другой род. И пусть Эман был всего лишь двоюродным племянником короля, в нем отчетливо проступали древние корни. Жаль только, что он не унаследовал ни мудрости, ни скромности – лишь кудри да кукольные глаза.

Стел чуть было не произнес это вслух, но заставил себя процедить:

– Тогда наводящий вопрос. Почему пять веков назад лесные жители массово хлынули в степи?

– Потому что кочевники стали на них нападать? – Эман перекинул ноги – теперь левая оказалась сверху – и поднял широкие брови.

– Кочевники? На лес? Зачем? – Стелу захотелось просто встать и уйти. И никогда больше не видеть этих раскосых наивных глаз. – Эман, что с тобой? Ты издеваешься? Был бы ты учеником-первогодком, я бы поверил, что ты ничего не знаешь про Огонь Восточных гор, падение Сарима, появление пустынь и вымирание трети леса. Как лесные жители оказались в степях и два столетия воевали с кочевниками, пока не захватили Каменку и не оттеснили врагов далеко на юг... Но,

Эман, ты мой подмастерье, ты уже даже не ученик! Ты знаешь куда больше! Ты способный, и я всерьез думал, что ты заменишь меня, когда я стану Мастером. Что с тобой такое?

– Должно быть, подзабыл, – Эман выразительно зевнул. – Последнее время я мало сплю, это плохо для памяти. Вчера до ночи учили с Агилей песню к празднику Нового лета. Знаешь, ее голос чудесно звучит под арфу.

Мало спит, потому что все вечера проводит с Агилей? И потому у нее не хватает для Стела времени? А он-то думал, что обидел ее тогда...

Нет, сейчас не об этом. Стел посмотрел в окно. За витой решеткой вдоль потресканной доски прогуливался голубь, деловито простукивая годовые кольца. Каштаны качали голыми ветками, синело небо. Стел глубоко вдохнул утреннюю свежесть и обернулся к Эману.

– Ты знаешь, что это не шутки. Мерг лично попросил меня дать тебе вторую попытку, чтобы ты мог получить голубой плащ учителя, а ты...

Эман так и просиял:

– Вот иди и расскажи ему, как я с треском эту попытку провалил! Кстати, он просил тебя срочно к нему заглянуть.

– Так ты специально? – Стел хлопнул ладонями по столу и наклонился вперед.

– А тебе какая разница? – Эман поднялся и презрительно оглядел свою белую хламиду подмастерья. – Скажем так, я больше не заинтересован донашивать твой выстиранный плащ.

Стел тоже встал, чтобы на равных смотреть наглцу в глаза.

– С каких это пор ты стал в этом не заинтересован?

– С тех самых пор, как на празднике Долгой ночи Ерих выбрал меня нареченным Агилы...

Нареченным Агилы? Нареченным?.. Быть того не может!

Горло будто ободрало лежалым снегом, грудь стянуло ремнями. Стел с трудом выдержал его торжествующий взгляд и наигранно расхохотался:

– Ты плохо знаешь свою кузину. Она не станет слушать в таких вопросах отца, будь он хоть трижды король!

– ...и Агила ответила мне взаимностью, – торжествующе закончил Эман.

– Агила ответила тебе взаимностью на празднике Долгой ночи? – Стел смеялся уже не так весело. – Ложь.

Ложь, потому что вместе со Стелом она сбежала с середины того праздника. Под масками, среди уличных гуляний и ряженных, их никто не узнал. Всю ночь бродили они по снежным улицам, грелись в тавернах пряным вином и печеными яблоками, а на рассвете добрались до окраины Ерихема, развели у ручья костер...

Тогда-то Стел ее и обидел.

Агила сняла маску чернобурки, расправила смятые волосы и вдруг притихла. Ее щеки румянились от мороза и близкого огня, а глаза цвета старого золота смотрели пристально и странно.

– Даними же ты этот клюв, болван... – прошептала она и тут же сама стащила с него карнавальную шапку – и поцеловала.

По-настоящему – не в шутку, как бывало в детстве, а страстно, яростно, с привкусом вина и медовых абрикосов. Голова кружилась, и Стел продолжал стоять как остопоп. Столько слов рвалось наружу, но он ни одного не смог выговорить.

– Да ладно тебе! Выдохни! Обсудим завтра, – рассмеялась Агила, взяла его под руку и потянула обратно в город.

Стел проводил ее до черного входа во дворец, там они и распрощались как ни в чем не бывало. Как прощались уже сотни раз. Дальше жизнь закрутилась, посыпались дела, замелькали дни. Они виделись редко, и как-то все было не до того, да и неловко обсуждать...

А теперь, выходит, она согласилась с выбором Ериха и обещана Оману?

– Ну и лицо у тебя сейчас! – Оман аж присвистнул. – Того и гляди поверю сплетням, что ты и вправду на нее глаз положил. Не думал, что староват и простоват для принцессы?

Не дожидаясь ответа, он стремительно прошел мимо ученических парт. Края белой хламиды летели плавниками невиданной рыбыны, следом за ним струились прозрачные тени. У двери Оман обернулся, сощурился и улыбнулся светло и радостно:

– Да не бойся, я тебе не враг. И сплетням глупым не верю. Мне просто действительно больше ни к чему быть твоим подмастерьем. И не забудь, что Мерг тебя ждет.

Мягко стукнула дверь, и все стихло.

Стел медленно выдохнул и подошел к окну. Пальцы стиснули острые завитки решетки так, что кожа побелела. Если сжать чуть сильнее, выступит кровь. Вот только не больно: ладоням – совсем не больно. Голубь утробно курлыкнул, склонил голову набок и улетел.

Агила. Смешная девчонка с длинными косами. Впервые Стел встретил ее на практике в предгорьях, когда сам был еще желторотым учеником. Она частенько подбивала его сбегать с занятий, прятаться в кедровой роще, воровать в деревне зеленые абрикосы и купаться в ледяной порожистой реке. Стел показывал ей магические штуки, переписывал для нее любопытные страницы книг, и она училась – жадно и искренне, схватывала на лету. Единственная девчонка, которая умела читать. Это позже он узнал, что обучал ее сам Мерг, глава Школы, вопреки всем нормам и правилам приличия, запрещавшим женщинам читать. Мерг баловал как мог любимую племянницу и наследную принцессу.

Время шло. Стел и Агила выросли, но продолжали дружить. Она шила свои платья исключительно у матушки Стела и частенько заглядывала на чай, пробиралась в Школу магии – только ради него, как он думал тогда...

А теперь она выбрала Омана.

Стел поднялся, потер глаза, оправил голубой плащ. Нельзя заставлять главу Школы ждать.

Даже если Агилы, которую Стел знал всю жизнь, никогда не существовало. Даже если он выдумал ее сам.

Миновав пустой еще коридор с учебными комнатами, Стел вышел на главную лестницу жемчужного мрамора и начал долгий подъем к купольной башне. С каждым пролетом стены заметно сужались, так что кабинет Мерга занимал верхний ярус целиком. Стел отдышался, коротко стукнул в дубовую дверь и навалился плечом. Скрипнули петли.

– Мир и покой тебе, Мерг. – В нос ударила свежесть, запах роз и старой бумаги.

Вместо приветствия Мерг только кивнул – «Заходи!» – и продолжил дописывать свиток. Медное перо поблескивало тонкими узорами, перекликаясь с гравировками табличек на стеллажах. Сетчатые занавески на окнах развевались флагами вдоль полукруглых стен, в длинных изогнутых кадучках кустились розы немислимых цветов – от небесно-голубых и пурпурных до охристых и багряных.

Стел прошел по мягкому ковру, скрадывающему шаги, и опустился в высокое ажурное кресло. Шелест ветра перемежался металлическим стуком пера о чернильницу. Наконец Мерг засыпал свиток песком и взглянул на Стела.

– Так что ты скажешь про Эмана? – будто продолжил он прерванный разговор.

Тонкие дуги бровей сморщили лоб и высокую лысину, а тяжелые веки обвисли у внешних уголков глаз. Губы, сжатые в линию, казалось, вовсе исчезли с круглого лица. Несмотря на то что Мерг был близнецом Ериха и прямым потомком династии Рон, возраст и многочисленные магические опыты напрочь лишили его саримской красоты. Говорят, в молодости его густые каштановые локоны волнами спадали до плеч, а громадные миндалевидные глаза заворожили не одну придворную даму. Однако всем женщинам он предпочел магию.

– Эман провалил повторное испытание и отказался от должности моего подмастерья.

Мерг склонил голову, точно недавний голубь, и пару раз моргнул. Молчание затянулось. Стел хотел было пояснить подробнее, но Мерг внезапно тяжело вздохнул и заявил:

– В таком случае сопровождать рыцарей в лесном походе придется тебе. Выступаете завтра.

– Мне... что? – опешил Стел. – Завтра?

Какой поход? Какие рыцари? Он пришел поговорить про Омана. Он не может идти ни в какой поход: ученики, занятия, лекции. И Рани!.. Точно. Как он бросит Рани? Вчера

он отыскал ее в зарослях терна в глубине парка. Она ревела как маленький ребенок и больше не пыталась убежать. Стел привел ее домой, матушка удивилась, но без лишних вопросов помогла Рани вымыться, отыскала одежду. Вечер прошел за неловким разговором, помянули отца и скоро разошлись спать. Сегодня Рани осталась с матушкой, а Стел обещал подумать, что делать с ней дальше. Не может же он взять и уйти в какой-то там поход? Нет, это исключено. К тому же хотелось бы увидеться с Агилой...

– Нет, это исключено, – вслух повторил он и резко мотнул головой, отгоняя сумбурные мысли.

– Поедешь ты как знаток лесных жителей: поведение, традиции, ведовство, ритуалы, обряды – все как ты любишь. – Мерг улыбнулся. Должно быть, он считал эту улыбку милой.

Не слышит он, что ли? Стел вдохнул, выдохнул и повторил с предельной учтивостью:

– Я не смогу сейчас покинуть Ерихем.

– На занятиях тебя заменит наш старый Мастер Норк, подыщет новых подмастерьев на вашу тему. Теперь мы должны ее развивать. В лесу как раз соберешь материал, по прибытии закончишь работу и станешь Мастером, а Норка отпустим на покой...

Как у него все удачно-то складывалось! Будто он давным-давно все придумал и преподнес это Стелу как долгожданный подарок, от которого нельзя отказаться. Конечно, возможность посетить лес откровенно заманчива, но...

– Почему так внезапно? Завтра? Мне нужно подготовиться, освежить память, собрать вещи...

– Стел, я бы с удовольствием позволил тебе подготовиться – мне прежде всего важен успех похода. Но так сложились обстоятельства: идти должен был Эман, не буду скрывать, но ты и сам подтвердил, что он не готов.

– Да он сделал все, чтобы провалить испытание!

– Верю, – без тени улыбки кивнул Мерг. – Ноу тебя нет выбора. Ерих услышал откровение: «Свет Сарима разгонит сумрак вековых крон». Вы идете строить храмы, и никто не найдет взаимопонимания с лесными жителями лучше тебя. Я надеялся на Эмана, но... увы. По пути заедете в Каменку, так что у тебя будет еще личное задание: передать посылки в степную школу. Вечером у кладовщика получишь груз и грамоты, а сейчас ступай в рыцарские казармы, сообщи главнокомандующему Рокоту Рэю, что я назначил тебя в сопровождение, обсудите план похода и что там еще потребуется.

Мерг стряхнул со свитка песок, дописал в начале: «Стел Вирт» и подул, чтобы чернила быстрее просохли.

– И все же... – начал Стел, замялся, но потом откашлялся и закончил: – И все же я не могу покинуть сейчас Ерихем.

Скрутив свиток, Мерг залил бечевку воском, поставил личную печать и протянул Стелу.

– Но и остаться на своей должности в Школе ты не можешь.

За окном по-весеннему заливались птицы. Ветер трепал сетчатые занавески. До одури пахло розами.

И хотелось кричать.

Глава 5

Глаза, круглые с перепугу, смотрели на Рокота. Чернели громадные зрачки с зеленоватой каймой, блестели слезы.

– Ты что здесь делаешь? – В этот раз Рокот рявкнул тише: он вовсе не хотел издеваться над подростком – коротко стриженный оболтус в суконной робе с вышитой на плече ласточкой был едва ли старше Лилу.

Сирота из храмового приюта?

Паренек втянул голову в плечи и поспешно отошел в сторону. Такой же страх и такую же ядовитую зелень во взгляде Рокот уже видел не так давно, видел... в канун Долгой ночи.

Должно быть, он всю жизнь будет помнить Ларта – оруженосца, который не дожил до своего рыцарства всего лишь день. Ларт был одним из лучших, Рокот пророчил ему большое будущее, представлял своей правой рукой.

А вместо этого – убил.

Накануне праздника прибежали дружки Ларта, такие же сопливые мальчишки, и донесли, что он спутался с безродной посудомойкой и прямо сейчас они развлекаются у нее в каморке. Такой подлый и старый ход, чтобы выслужиться, – когда-то Рокот и сам был настолько соплив, чтобы позорно использовать Кодекс против соперников. Но в этот раз все оказалось правдой. Мало того, в крале, которая совратила Ларта, один из дольных узнал девку небезызвестного в Ерихеме вора, которую в свое время отпустили под честное слово, когда разогнали крупное гнездо. А теперь она перекинулась на чистенького оруженосца! С какой бы радостью Рокот вместо Ларта убил ее! Это было бы справедливо. Но Кодекс есть Кодекс. В свое правление Рокот не допустит, чтобы рыцари спивались и путались с безродными девками, которые потом бросают родных детей.

Ларт умер мгновенно. Он не мучился. А вот посудомойка осталась жить. Обритая наголо, выжженная черным багульником, чтобы не плодила бастардов, она осталась жить. И это ее жгучий зеленый взгляд вспомнился теперь Рокоту.

– Простите, что помешала, – нежно пропела сиротка, праведно потупила глазки и подняла над макушкой сложенные ладони. – Да пребудет с нами мир и покой.

Рокот не сразу вернулся из воспоминаний.

Так этот оболтус – девчонка? На казарменном дворе? На миг Рокот уставился перед собой, будто увидел привидение. Нет. Однозначно, это не могла быть та шлюха. Эта сиротка младше и совершенно на нее не похожа, просто глаза такого же цвета... и все же что она делает на казарменном дворе?!

– Иди сюда, – зашептали из-за угла.

Девочка дернулась, но Рокот первым обогнул конюшню и увидел целую толпу детей в сиротских робах с черными ласточками на плечах. Позади возвышался Слассен с тремя учениками. Ритуальные шелковые хламиды струились по ветру, натертые лысины блестели весенним солнышком. Заливались птички. Красота. Идиллия. Храмовый приют, а не рыцарские казармы!

– Что здесь происходит?! – уже не сдерживаясь, рявкнул Рокот.

Слассен вздрогнул и стремительно подошел к нему. Еще мгновение назад храмовник стоял позади сирот – и вот уже рядом, доверительно похлопывает Рокота по плечу и нашептывает со своим любимым присвистом:

– Это сироты, они идут с нами, чтобы строить храмы, при которых они и останутся, будут помогать служителям и молиться.

– Никаких девочек-сироток в моем отряде, – отрезал Рокот. – С любой работой по строительству храмов справятся рыцари, а вы с учениками поясните детали.

Храмовник растекся в снисходительной улыбке:

– Рокот Рэй, я уважаю рыцарей Меча и Света, ваши руки и помыслы действительно чисты, как того и требует Кодекс, и все же вы проливаете кровь. Вы и должны ее проливать во имя защиты веры, но потому не можете строить храмы. Строители храмов – светлые создания, выращенные в мире и покое. В любви Сарима.

Рокот пожевал нижнюю губу и потер подбородок. О таких тонкостях он и вправду не задумался, когда получил приказ. Что ж.

– Твоя правда, Слассен, – примирительно кивнул он. – За ежедневной рутинной и житейскими мелочами порой мы упускаем суть. – Храмовник просиял, но Рокот не дал ему и слова вставить, сурово закончив: – И все же в моем отряде не будет девушек-сироток. Парней бери сколько хочешь. Но терять своих рыцарей я не намерен. А все мы люди, и далеко не все – святые.

Рокот вовсе не считал святыми самих храмовников, но рассуждения на эту тему уж точно стоило оставить при себе.

Слассен осторожно кивнул:

– Я понял, будут только парни, – и добавил: – С черного хода мы подвезли все, что нужно для храмов: особое цветное стекло, сложные детали шпилей... боюсь, нам потребуется пара фургонов – в одном поедем мы, а в другой сложим груз.

Два фургона вместо одного, пара десятков лишних ртов в виде сирот, и все в последний день, как же иначе...

– Будут вам фургоны, к вечеру получите дорожные мешки, палатки и прочее, – пообещал Рокот и направился в оружейную, не слушая витиеватых речей Слассена – сегодня нет времени для любезностей.

Сборы проходили споро, без суеты. Рокот шел через казарменный двор и с удовольствием отмечал, как по ровным дорожкам снуют оруженосцы с поклажей, перекидываются командами – система работает, каждый человек знает свое место.

А это что? Рокот замедлил шаг и развернулся.

Среди небеленых льняных рубах оруженосцев ярко синели одежды мага – Мерг наконец-то сподобился прислать человека? Самое время. Хорошо хоть, не к завтрашнему утру.

Натянув улыбку, Рокот пошел к нему.

Не Мастер, те рядятся в тяжелые васильковые мантии и несут себя гордо, с налетом презрения к простым смертным. Мастера Мерг для похода, видимо, пожалел. Это учитель, труженик Школы, вроде простого рыцаря. Ладно, спасибо, не подмастерье. Может, с ним будет проще договориться.

Маг переминался с ноги на ногу, озирался по сторонам. Голубая накидка просвечивалась солнцем. Ее гордо именуют «плащ», но, по сути, это скорее халат: прямой рукав чуть ниже локтя, без воротника, без пояса, никаких знаков отличия. Даже у храмовых сироток на робах и то ласточки пришиты.

А ведь Рокот мог бы сейчас носить такое же позорище! Когда-то Мирта всерьез предлагала ему сдать в Школу...

«Ты понимаешь, что меня никто не мог вылечить? Ни Мастера Школы, ни знахарки, но этот степняк научил тебя, и вот – у нас родилась малышка. Он тебе что-то такое дал, чего в городах не знают! Иди к магам, поделись этим», – говорила она.

Иди к магам, откажись от поста главнокомандующего, похорони рыцарство и стань книжным червем. Ради этого Рокот столько лет служил, пробивался из простого оруженосца, рвал жилы? Чтобы пожертвовать всем во имя грязной магии? Нет. Он вмешался в замыслы Сарима, запялнул свою веру, излечив Мирту от бесплодия, – да, но... две новые жизни того стоили. Это его личные счета с богом, и о них вовсе не обязательно кому-то знать.

– Мир и покой, – склонился маг, наконец-то заметив его, и тут же протянул запечатанный свиток. – Главнокомандующий Рокот Рэй?

– Он самый, – кивнул Рокот, изучая гостя.

Волосы ежиком, нос с горбинкой, глаза карие. Такие знакомые карие глаза. Что за день? Повсюду знакомые глаза...

– Стел Вирт, – тонкие губы мага скривились улыбкой. – Назначен Мергом сопровождать твой отряд в лесном походе.

«Стел Вирт» – синели каллиграфические буквы на свитке.

Хорошая шутка. Сын Грета Вирта. Во всей Школе другого мага не нашлось, что ли? Только не хватало нянчиться с сыном Грета. Что, если он весь в отца? Так же бездарно умрет во имя невесты чего, а Рокоту потом отвечать. Нет. Исключено.

Но вслух он процедил:

– Рад знакомству. Поедешь в фургоне со служителями, твой дорожный мешок будет готов к вечеру.

И про себя добавил: «Если Мерг подыщет замену, тебе сообщат».

– Я бы предпочел поехать верхом, – заявил Стел.

Грет так же смело задирал нос на тренировках, так же криво улыбался и вызывающе подмигивал. А в конце боя молил о пощаде. Правда, не каждый раз: Грет был достойным соперником, чего не скажешь о Стеле. Рокот снисходительно посмотрел на его бледную кожу, не знавшую ветра, на тонкие пальцы с парой чернильных пятен и усмехнулся:

– Тогда на конюшнях тебе помогут подобрать лошадь.

– У меня есть своя, но я хотел бы взять в поход ученика. Ему потребуется лошадь и второй дорожный мешок со снаряжением, – Стел потер бровь и спрятал руки за спину.

Врет? Рокот нахмурился:

– В приказе ни слова про ученика.

Стел передернул плечами:

– У каждого рыцаря есть оруженосец, я не думал, что нужно оговаривать это отдельно. В поход я иду со своими поручениями от Школы, которые не касаются рыцарей: я должен доставить ценный груз в Каменку, собрать материал для работы. Ученик мне совершенно необходим.

– Достаточно, – Рокот поднял руку, будто сдерживая поток его слов. – У меня нет времени на подробности. Вас обеспечат всем необходимым, в случае недоразумений сошлись на меня. Ночуем сегодня в казармах, выступаем за час до рассвета.

– Но я хотел обсудить планы, детали маршрута. Поход оказался для меня большой неожиданностью, но тем не менее у меня есть свои соображения. Рыцарям следует выглядеть более... мирными, потому что...

Только не это! Грет никогда не был настолько занудным, но тоже все время хотел отыскать «бескровный выход», за что и поплатился. Похоже, сынок и вправду пошел в отца.

– Обсудим по дороге, – отрезал Рокот, резко развернулся и поспешил прочь.

Может, стоит попросить вовсе никого не посылать с отрядом? Со степняками справились как-то без вездесущих книжных червей. Чем уж лесники такие особенные?

В кабинете Мерга удушливо пахло розами. Чистые занавески, свет из арочных окон на дорогом саримском ковре – светлица придворной дамы, а не кабинет главного мага Городов.

– Мир и покой, – вежливо кашлянул Рокот.

Мерг оторвался от бумаг и улыбнулся, будто только теперь заметил посетителя, хотя посыльный умчался наверх, как только Рокот представился и переступил порог Школы.

– Рокот Рэй, очень рад, что ты выкроил для меня время в столь напряженный день... – Мерг встал из-за стола, на ходу оправляя высокий воротник мантии, и указал рукой на дверь в дальней стене. – Выпьем по бокалу горячего сидра? Там и поговорим.

Все-таки посыльный забегал, и даже сидр успели подогреть. Похвально.

Когда они вошли в крохотную круглую комнату, Мерг плотно закрыл дверь и указал на низкое кресло. Сам он сел в такое же кресло напротив только после того, как Рокот последовал приглашению. Больше в комнате ничего не было, кроме круглого стола с двумя непрозрачными бокалами.

Рокот выдержал подобающую моменту паузу – с должным уважением изучил ажурную роспись стен, мраморные плиты под ногами – и вновь вежливо прокашлялся.

– Ты совершенно прав, сегодня не тот день, когда я могу безмятежно распивать пряный сидр, пусть у тебя он и приправлен особыми травами.

– Саримскими травами, – Мерг глубоко вдохнул ароматный пар, расплылся в плоской бесцветной ухмылке и довольно сощурился, отчего стал еще сильнее походить на древесную жабу – не догадаешься, что когда-то он был как две капли похож на красавца Ериха! – Недавно пришел караван. Уж как мы его ждали! Ведь я перепробовал все... все! И что ты думаешь? Оказывается, нам не хватало сурьмы для завершения ключей. Пока я это понял, пока дождался каравана...

Так говорит, будто они уже много раз обсуждали вот так, за бокалом сидра, эти треклятые ключи! А между тем Слассен только вчера передал их под видом величайшей государственной тайны – Мерг должен быть в курсе. Что это? Уловка? Проверка?

– Ключей? – осторожно переспросил Рокот, готовый в любой момент достать из-за пазухи шелковый сверток со словами: «Ах, ты про эти раструбы!»

– Да, я изначально хотел тебя сам посвятить во все тонкости, но Ерих и Слассен долго сомневались... – Мерг замялся, подбирая нужное слово.

– ...сомневались, можно ли мне доверять? – подсказал Рокот. – Сказать честно, мне было бы спокойнее, если бы вы предпочли оставить меня в неведении.

– И все же Ерих убежден: если ты будешь осознавать истинную значимость похода, ты сделаешь все возможное, – радостно заявил Мерг и таинственно добавил: – И невозможное.

– Я знаю лишь то, что цена ошибки высока, – Рокот пожал плечами. – Многочисленные секреты не прибавили мне понимания.

– Мы доверили тебе свой секрет, мы знаем твой – мы в одной связке, ведь так? – Мерг выразительно вытаращил глаза с белесыми ресницами.

Рокот шумно отхлебнул обжигающий сидр. Это уже не туманные намеки Слассена – сильные мира сего и вправду в курсе, что Рокот маг. Но им удобно держать его на месте главнокомандующего, особенно когда он не задает лишних вопросов и не

копается в праведности методов, которыми они действуют, и ставит приказы монарха превыше всего.

– Я клянусь династии Рон, я остаюсь верен клятве, – отчеканил Рокот. – Я могу задать вопрос?

Мерг одобрительно кивнул и поднял бокал, не скрывая детского удовольствия от напитка.

– Караван прибыл недавно. Значит, ключи созданы лишь недавно. Значит, вы... не успели проверить их в действии. К чему такая спешка с походом?

Светлые глаза Мерга блеснули медью.

– Мы как раз и хотим их проверить в действии – в полноценном действии.

– И сделать это лучше...

– ...подальше от Городов, – закончил Мерг.

Повисла гнетущая тишина.

Что же это за ключи такие? Если бы Рокот лично не увидел за завтраком румяную Лилу...

– Какой вывод мне следует из этого сделать? – уточнил он.

– С ключами нужно обращаться предельно осторожно. Они дороги, до конца не изучены и невероятно важны.

– И я бы не узнал этого, если бы не зашел сам?

– Я бы за тобой послал. Потому что за ключи должен был отвечать Эман Рон, мой двоюродный племянник. И эта ноша осталась бы на его плечах. Он участвовал в создании ключей и изучал лес. Но мальчик взбунтовался, и вместо него идет Стел Вирт.

– Не лучшая кандидатура, – тут же среагировал Рокот. – Я потому и пришел...

– Я догадался, – мягко улыбнулся Мерг – и на этот раз его лицо действительно выглядело мягким, не отталкивало, можно было даже различить следы былой красоты. – Но Стел лучше всех знает лес. Мастер Норк стар и не выдержит поход, а Стел – на самом деле готовый Мастер, просто мы не спешим принимать его работу и давать васильковую мантию. Но он из тех, у кого по любому вопросу есть свое мнение...

– Он ничего не знает о ключах?

– Схватываешь на лету, – кивнул Мерг. – И он не должен знать. Он не приносил клятвы верности Ериху, не понимает, что значит «хранить тайну» и что мир часто не такой, каким кажется на первый взгляд.

– Зачем он тогда нужен в отряде? – нахмурился Рокот.

– Он много знает о лесе, у него открытое наивное сердце. Лесные ему поверят. Если кто-то из Школы и может помочь вам договориться с местными – это Стел.

– Но если он не захочет подчиняться?

– Покажешь ему это, – Мерг протянул свиток.

Приказ об увольнении Стела Вирта и запрет на въезд в Города, действителен только с личной подписью и печатью Рокота Рэя.

Мерг тихо добавил:

– Если Стел будет послушным мальчиком, ты уничтожишь приказ.

Рокот осторожно свернул свиток и спрятал в футляр для ценных бумаг.

– Я надеялся, что мы найдем взаимопонимание, – Мерг поднялся и по-отечески похлопал его по плечу. – В благодарность я обещаю не оставлять твою семью без присмотра.

– Благодарю за заботу, – Рокот с трудом выдавил любезность в ответ на вежливую угрозу.

Глава 6

Стрелок поднял над головой факел. Прямые пряди отливали огнем, касались шеи, топорщились на вороте рубахи. Лицо будто светилось изнутри.

– Да будет лето грядущее лучше лета уходящего! – прокричал он.

– Да будет! – хором откликнулись селяне.

Белянка замерла с тяжелой корзиной пирогов и негромко поддержала общий хор. Она любила наблюдать из толпы, как Стрелок улыбается одними глазами, хмуря брови и плотно сжимая губы.

Вот только улыбается он не ей, а Ласке.

Но даже если каким-то чудом он и пригласит ее под ту самую балладу, Белянка сможет лишь потанцевать и пожелать ему счастливого лета. Поцелуй и обручение – не для нее, не для ученицы ведуньи. И если с простым парнем еще можно было бы как-то попытаться, быть может, и вправду отказаться от волшбы, то Стрелок – Отец деревни, основа благополучия, пример для подражания. Крепкая семья, куча розовощеких детишек и добрая хозяйюшка – вот что ждет его в будущем.

Как же Ласка собралась с ним обручиться? Неужели они как-то договорились?

Махнув факелом трижды, Стрелок бросил его внутрь главного костровища в середине поляны. Огонь полыхнул на мелких веточках, занялась сухая кора – и вот уже разгорелись поленья. Искры взвились тугой спиралью в прозрачное вечернее небо. Семеро парней подпалили факелы от главного костра и разошлись разжигать огненное кольцо из костров поменьше, внутри круга длинных столов.

– Да будет так! – Стрелок поднес руку к пламени, будто бы пытаясь поймать искры, рассмеялся, обернулся и посмотрел точно туда, где стояла Белянка.

Но она поспешила отвести глаза и с деловым видом принялась раскладывать пирожки по мискам на длинных столах. Когда Беянка вновь глянула на главный костер, Стрелка там уже не было. Она медленно вдохнула тревожный дым. От затылка по спине и рукам разбежались мурашки. В нетерпении перекатившись с пяток на носки, она невольно задела плечом Ласку, но та даже не заметила – темные глаза неотрывно смотрели на разгорающиеся костры. Беянка прикусила губу и отвернулась. Наверняка Ласка представляла, как они танцуют, а она смеется нежно и ласково, только для него.

Лучше не думать об этом. Лучше просто дышать праздником.

Неподалеку, в сумраке ветвей, шелестели цветастые юбки, звенел девичий смех, гудели последние сплетни. Внутри огненного круга толпились нарядные парни. Белели рубахи, мелькали улыбки, взрывался хохот.

Музыканты выкатывали барабаны, обтянутые оленьими шкурами. Едва слышно дышали пробными звуками деревянные дудочки, позвякивали колокольчики, трещотки, бубенцы. Певец Дождь настраивал лютню, тонкие пальцы любовно гладили струны. Волосы с ранней проседью закрывали сухие щеки подобно струям воды.

Воздух загустел от ожидания. Позади остались зима, долгие ночи, холод и талая слякоть. На рассвете народится Новое лето. Света станет чуть больше, чем тьмы. Жизнь начнет очередной виток бесконечной спирали.

Над поляной раздался протяжный гул барабана. Смех и болтовня смолкли – стал слышен шелест молодых листьев на ветру. Менестрель ударил по струнам и запел Проводы Зимы. Негромкий, но звонкий голос осторожно вплелся в мелодию вечера. Охотники и хозяйюшки на длинных скамьях за границей огня шумно захлопали в ладоши и подхватили старые как мир слова. Парни подбежали к кострам, протянули руки и помогли девушкам запрыгнуть в круг.

Заскользили темные силуэты стройных красавиц и высоких молодых охотников. Они кружились, расцеплялись и сходились вновь. Плясали отблески костра, смешиваясь с веселым смехом, уносились в весеннее небо золотистыми искрами.

– Так до утра и будешь тут стоять? – дернула за рукав Ласка.

Беянка перехватила ее взгляд и пожала плечами.

– Ну и стой, раз боишься! – Ласка широко улыбнулась и побежала в круг, легко перемахнув через костер. Зеленая юбка взметнулась над огнем.

– Не боюсь! – крикнула Беянка и поспешила следом. Высокий сполох костра лизнул голубой подол, согрел щиколотки, а в следующий миг поток танцующих увлек ее за собой.

Первые шаги под музыку вышли неуклюжими. Не в такт. Беянка зачарованно смотрела на упругие, четкие движения рук, покачивания бедер, резкие повороты головы. Но повторять было как-то... неловко. Словно стоит ей лишь поднять согнутые локти и хлопнуть в ладоши, как все взгляды тут же обратятся к ней.

Над правым ухом раздался ехидный смешок:

– Сидела б лучше в избушке, Белка!

Ласка. Вот уж у кого проблем с танцами никогда не было. Беянка выдохнула и развернулась к ней:

– А мне здесь нравится! Имею право – мои первые танцы!

Ласка склонила голову набок и прищурилась. Смоляные волосы блеснули огнем.

– Ты научилась отвечать. – Что-то изменилось в лукавом взгляде. – Ладно, иди сюда.

Ничего хорошего Беянка не ожидала, но Ласка ухватила ее за запястье и подтянула к себе спиной.

– Закрой глаза, – прошептала она в самое ухо. – Повторяй за мной. Нет, не открывай глаз! – она плотнее обняла ее и повела в танце, проговаривая движения.

Шаг. Поворот. Удар барабана. Шаг. Перекат. Клекот трещоток. Звон. Поворот. Хлопнуть в ладоши. Шаг. Поворот...

– Поймала, молодец! Слушай, слушай стук сердца!

Невольная улыбка тронула уголки губ.

– Не останавливайся!

Беянка открыла глаза и встретила радостный взгляд Ласки. Вихрь танца кружил, не давая ни мгновения отдыха. Руки, юбки, лица, улыбки, глаза. Радость, что копилась с самого утра, рвалась наружу. Радость и благодарность. Никогда еще Ласка не делала для нее ничего настолько прекрасного! Она подарила ей ритм! Беянка запрокинула голову к звездному небу и расхохоталась.

– Веселитесь? – сильная мужская рука легла на талию и вырвала из потока.

Рыжие вихры брата щекотали шею, в воздухе висел винный дух, и веснушки горели будто бы особенно ярко. Второй рукой он обнимал Ласку.

– Передохнем? Как вам танцы?

Уверенно и неторопливо он вывел их за границу огненного круга, к длинным столам, и сунул обеим по кружке густого хмельного кваса, сдобренного медом. Беянка подозрительно понюхала желтоватую пену.

– Можно-можно, – кивнул он и поднял кружку. – За Новое лето!

Ласка пригубила квас. Темные глаза под длинными ресницами блеснули тревогой, взгляд рассеянно скользил по верху голов. Брат одним глотком осушил кружку и с грохотом поставил ее на стол. Ласка повернулась и шагнула к кругу танцующих, но он осторожно перехватил ее запястье:

– Разреши пригласить тебя на танец под балладу?

Беянка чуть квасом не поперхнулась.

Ласка замерла – окаменела.

Как хорошо, что брат не видел лица своей избранницы! В темных глазах полыхал гнев, губы были плотно сжаты, ноздри раздуты. Глядя в глаза Белянке, Ласка прошептала беззвучное проклятие.

Лишь один-единственный раз за лето парень мог пригласить девушку на этот танец, древний обряд признания в любви. И отказать было нельзя. Никак нельзя! Смертельное оскорбление!

Невыносимо медленно она опустила веки, выдохнула и обернулась к Ловкому с очаровательной улыбкой. Мягко положила ладони ему на плечи и подняла полные насмешки глаза:

– Не боишься танцевать с будущей ведьмой?

– Да у меня сестра – ведьма! – подмигнул он.

– О, если для тебя Белка – ведьма, то ты совсем не знаешь меня! – промурлыкала она.

Белянка отчетливо слышала угрозу в обманчиво ласковом напеве.

– Вот я и хочу – узнать тебя поближе! – Ловкий резко прижал Ласку к себе и увлек в круг.

Ее прощальный взгляд, полный гнева и обещания скорой расправы, вышиб из Белянки остатки воздуха.

Ловкий и Ласка? Как? Она же просто пожелает ему удачного лета. Разобьет ему сердце?..

А как же Стрелок? Как Ловкий мог перейти дорогу другу? Но если Ласка танцует с Ловким, то... нет. Даже думать об этом нельзя.

Белянка поймала себя на том, что невольно вглядывается в толпу в поисках белобрысой макушки, той, что на полголовы выше других парней. Вон он, на дальнем краю поляны, пробивается сквозь стайку цветастых юбок – каждая норовит попасться на глаза Отцу деревни в преддверии той самой баллады.

Один не останется. Белянка заставила себя отвернуться. Нет. Уж ей-то точно нельзя сейчас попадаться ему на глаза. Ученицы ведуньи не должны танцевать под эту балладу. Но Ловкий и Ласка?..

Неторопливо Белянка подошла к реке. На душе плескалась муть, а песок под ногами сделался зыбким, ненадежным. Дурное предчувствие. Глаза пытливо всматривались в темноту на той стороне, за пастбищами и огородами. Уйти и брести сквозь ночь по колено в воде, переплыть реку, и... там, в той стороне, есть ответы? Поддержка?

– Вот ты где! – горячие ладони опустились на плечи.

Белянка вздрогнула, не в силах вдохнуть, не в силах поверить своим ушам. Веки обожгло слезами. Невыносимо медленно она развернулась, не в силах поверить глазам.

– Потанцуем? – просто, даже как-то буднично спросил Стрелок и улыбнулся – одними глазами, с легкой насмешкой, но не обидно, а бесконечно ласково.

Сердце Белянки стукнуло и замерло, губы дрогнули, распахнулись ресницы, мир перевернулся.

Чтобы удержаться на подгибающихся коленях, она ухватилась за его руку. Он вскинул брови и предложил ей вторую ладонь. Древний обряд обручения. Белянка чуть склонила голову набок, выдохнула и уверенно сжала свои холодные от страха пальцы.

Круг замкнулся.

Но это ничего еще не значит. Она не должна его целовать. Она должна пожелать ему удачного лета.

Первые аккорды баллады уже сплетались с ночной тишиной, шепотом реки, шорохом деревьев и треском сгорающих поленьев. Несколько мучительно прекрасных мгновений Стрелок пристально изучал ее. В огромных зрачках озорно плясали языки пламени. Его губы были сомкнуты в насмешливой полуулыбке, на шее пульсировала жилка.

Белянка боялась дышать.

Наконец он решительно повел ее в огненное кольцо костров. Голос Дождя дрожал везде и всюду, разливаясь над водой реки, поднимаясь над верхушками сосен, отражаясь от звезд.

Капали слезы полночной луны,
Травы степные хранили заветы,
Дикие ветры безумной войны
Между сердцами воздвигли запреты.

Мелькали вихрем искры, слабели пальцы и закрывались глаза. Щека Белянки прижалась к неожиданно близкому плечу. Нежное дыхание коснулось волос, согрело душу. Тяжелые веки закрылись. И не осталось ничего – лишь пушистое солнышко у самого сердца.

Жизнь или Смерть? Стрелам быстрым решать.
Нет примирения! Камни молчали.
Только Любовь снимет ненависть-шаль,
Только Луна серебром обвенчает.

Танец кружил сердца в едином ритме, и даже огонь искрился в такт скользящим шагам. Творилось таинство древнейшей магии. Великой, но доступной каждому. Первоисток тепла, первооснова жизни, связующая сила, что хранит целостность мира. Любовь.

Судьбы народов – извечный раздор.
Места под ветром нам хватит с лихвою!
Две половинки влюбленным с тех пор
Светят единой звездой пред зарею.

Казалось, будто душа покинула тело, смешалась с искрами и поднялась вверх. Пары стремительно кружились между кострами, составляя волшебные узоры обряда. А у самых верхушек сосен плыла сумеречная звезда – покровительница влюбленных.

Смолкли струны лютни. Поляна загудела оживленными голосами. Беянка остановилась, отрешенно глядя на широкий ворот его рубахи. Нужно что-то ответить. Но как? Нельзя. Нельзя!

Стрелок наклонился к самому уху и прошептал:

– Музыка закончилась.

Пепельные волосы коснулись ее шеи.

Судорожно вздохнув, она кивнула, коротко взглянула на его губы, но не двинулась с места.

– Пожелаешь мне удачного лета? – Стрелок отстранился.

В глазах блеснуло удивление? Страх?

Как же хотелось его поцеловать! Но она не должна. Не должна.

– Пожелаю нам удачного лета, – она нерешительно шагнула вперед.

Слова застыли на его губах. Беянка поднялась на цыпочки и осторожно коснулась его щеки указательным пальцем.

– Прогуляемся вдоль реки? – предложил он.

Беянка чувствовала, как неловко ему – не так должны девушки отвечать на этот танец! Либо вежливый поклон, либо честный ответ и поцелуй. Но он принял ее

правила и уверенно потянул прочь от шумной толпы, туда, где тихонько плескалась ночная вода.

Они шли по узкой полосе пляжа у кромки воды. Влажный песок щекотал босые ступни и пальцы ног. Ветерок трепал подол сарафана. Веселый напев летел над рекой, прятался в темноте подлеска.

Белянка обернулась. Две цепочки следов темнели в серебристых лучах луны, россыпью искр блестела вода. Сполохи костров подсвечивали крошечные листочки на тонких ветвях ив, и казалось, будто они облеплены золотистым пухом. Сырой запах земли и сладкая горечь дыма переполняли грудь, но голова кружилась не от этого.

Голова кружилась от тихого дыхания Стрелка, от тепла его ладони, крепко и нежно сжимающей ее руку, от шагов – в такт, от молчания – обо всем. И от слов, которых не придумать.

– Чего ты боишься? – нарушил хрупкое равновесие Стрелок.

Белянка прошла еще немного и остановилась.

Он смотрел открыто, без осуждения, и ждал, не отпуская ее руку. Ветер неторопливо пересыпал его скользкие волосы.

Она отвела взгляд и пожала плечами.

– Не молчи. Я должен знать, – его голос звучал вкрадчиво, мягко, но требовал ответа.

– Почему ты пригласил меня? – прошептала она.

Стрелок осторожно коснулся указательным пальцем ее подбородка и заставил посмотреть ему в глаза.

– Ты не хотела танцевать со мной?

– А хотел ли ты? – Белянка поняла, что просто не в состоянии вырваться из плена его взгляда.

Он рассмеялся до глубоких ямочек на щеках.

– Я пригласил тебя, потому что я хотел пригласить тебя.

– А как же Ласка?

– Ласка? – Он удивленно вскинул брови.

– Если бы Ловкий не опередил тебя, ты бы танцевал с ней?

Он зажмурился, помотал головой и спросил:

– С чего ты взяла?

С чего? Все так говорят.

Кто все? Ласка. И только Ласка!

Белянка усмехнулась собственной глупости и с трудом удержалась, чтобы не броситься ему на шею. Но перед глазами предстало строгое лицо тетушки Мухомор.

– Больше всего на свете я мечтала танцевать сегодня с тобой, – призналась она и тяжело вздохнула.

– Но? – продолжил за нее Стрелок.

– Но мы никогда не сможем быть вместе, – мрачно закончила она.

Он покачал головой:

– Все зависит только от нас.

– Но ученице ведуньи не положено...

– А чего хочешь ты?

Легкий вихрь пролетел над водой, брызнул в лицо и унесся в ночную высь, звеня сосновыми иглами.

– Никогда не отпускать твою руку, – выпалила Белянка. – Всегда видеть твои глаза.

Щеки пылали жарче самого большого костра.

Стрелок порывисто обнял ее, крепко сжал талию и поднял на вытянутые руки. Земля ушла из-под ног, воздух вылетел из груди. Локоны и витые косички коснулись запрокинутого лица Стрелка.

Он улыбнулся:

– В твоих волосах запутался речной ветер.

К глазам подступили слезы горячее крови. Белянка рассмеялась.

Никакая ворожба не подарит ей и толики такого счастья. У тетушки Мухомор есть еще две ученицы, а деревне нужна лишь одна ведунья...

Да какая разница!

Нет ничего важнее его взгляда.

Он бережно опустил ее на землю. Ноги подгибались.

– А я и вправду испугался, что ты не хотела танцевать со мной, – усмехнулся он.

Она уткнулась в его плечо, а он прошептал:

– На рассвете, когда первый луч коснется верхушек сосен и я подниму ясеневый посох, – посмотри мне в глаза.

Белянка кивнула, не в силах говорить.

Глава 7

С крыши стекал талый снег, лужицей собираясь на подоконнике. Пищал воробей, ерошил перья – и брызги веером летели в окно, оседая круглыми каплями, алыми от

заката. Золотились черные решетки вокруг слюдяных кругляшков. Пахло кострами и весенним небом.

По осени Стел хотел починить водосток, да руки так и не дошли. Едва шагнул на порог – скрипнуло: доски рассохлись. И они ждут хозяйских рук. Дождутся ли? Разве что будущей осенью.

Из-за приоткрытой двери тянуло выпечкой. Стел глубоко вдохнул и вошел в дом. Матушка оторвалась от шитья, вскинула голову и подслеповато сощурилась:

– Стел? Ты сегодня рано! Пирог я только поставила...

Рани горбилась над пальцами и послушно, стежок за стежком, вышивала синей нитью по белому полотну простенькие цветочки – только желваки бегали на скулах.

– Все в порядке, я не голоден, – Стел не хотел, чтобы в голосе слышалось прощание, но матушка будто поняла: вскинула ломкие брови, поджала губы.

– Тогда хоть трав заварю с медом.

Она засуетилась у очага. Привычно мелькали пальцы: подцепить крышку банки, высыпать в заварник ромашку со смородиновым листом, долить меда. Из-под чепца выбивались русые пряди, будто кружевом обрамляя лицо. Только суховатые губы не улыбались, да особенно сильно хмурился лоб.

Шумно вздохнула Рани и исподлобья глянула на Стела.

– Ты умеешь вышивать? – попытался он завязать разговор.

Толком познакомиться им так и не удалось. Как только они вошли вчера, Рани поняла, что лишняя на семейном вечере, и попыталась уйти, но матушка остановила ее:

«Никуда ты не пойдешь в такую погоду, да еще в драных сапогах! – и усмехнулась, подслеповато щурясь: – В детстве Стел таскал домой котят – теперь мальчик вырос».

Согрели целую кадучку воды, и после купания матушка принесла свое старое платье в горчичный цветочек, нелепое и широкое. Сегодня платье сидело на Рани гораздо лучше, да и сама она куда больше стала походить на девушку: зарумянилась бледная кожа, мягче легли стриженные кудряшки – нежно и мило, если бы не острые скулы, рубленные движения и взгляд. Мертвый болотистый взгляд.

– Я учусь вышивать, – с нажимом ответила она.

– У тебя чудесно выходит! – подбодрила ее матушка.

Рани только покачала головой. Глупо было надеяться оставить ее здесь подмастерьем.

– Ты никогда не мечтала быть швеей, – озвучил Стел.

Она кивнула, отложила вышивку и тихонько спросила:

– Мне... пора? – ее глаза смотрели то на Стела, то на исколотые пальцы, то на половицы.

– Куда? – только бы она не расслышала в его голосе надежду, что ей есть куда идти.

Но она расслышала. Решительно поднялась, подошла к своим стоптанным сапогам.

– Поищу работенку или... не первый день в Ерихеме – разберусь...

С сопением она завязывала дрожащими пальцами шнуровку – будто веревку на камне. Стел знал, куда она собралась.

– Никуда ты не пойдешь, – он наклонился и сжал ее ледяную кисть.

Она смешно, по-заячьи, потянула носом и отставила сапог.

– Садитесь за стол, – позвала матушка.

Горячий мед продирает горло, успокаивал шум в ушах. В очаге прогорело полено и с треском развалилось надвое.

– И все же, что случилось? – матушка отставила кружку и посмотрела Стелу прямо в глаза. Пожалуй, последний раз он видел ее такой серьезной, когда еще школяром заявился домой с разбитым носом.

– Я назначен сопровождающим отряда рыцарей Меча и Света в лесной поход. Сегодня ночью в казармах, выступаем завтра. Вернусь к осени, – выпалил Стел на одном дыхании и уставился в огонь.

Девятнадцать лет назад отец точно так же обещал, что вернется. Не вернулся.

Матушка шумно выдохнула и сжала его ладонь сухими, нежными пальцами – во всем мире только у нее были такие пальцы: мягкая кожа казалась пергаментной, Стел боялся ее повредить. Такой глупый детский страх.

– Ты рад? – тихо спросила она.

Он покачал головой.

– Не сейчас. Мне не хочется покидать... свою жизнь... так. Когда у меня нет выбора.

– И все же у тебя его нет, – она выдохнула, хлопнула ладонями по столу и поднялась. – Я помогу тебе собрать вещи.

Стел поймал ее взгляд и не отпуская, запоминая лучики морщинок, прозрачный блеск слез и упрямо сжатые губы. Он понимал, почему в свое время отец выбрал именно ее.

– Мне все-таки пора, – Рани допила одним глотком мед и поднялась.

– Постой, – Стел ухватил ее за запястье. – Я договорился, что со мной пойдет ученик. И это будешь ты.

– Я? С отрядом рыцарей? – бросила она ему в лицо.

– Ты сможешь сойти за мальчика?

Она презрительно подняла верхнюю губу и фыркнула:

– Разве что только это я теперь и могу...

– Стел, – тревожно начала матушка, но осеклась и отвернулась.

Рани попыталась вывернуть руку, но Стел крепко ее держал.

– Куда ты пойдешь?

– Не твое дело! – зарычала она.

– Будешь ли ты завтра утром дышать – мое дело!

Стел схватил ее за плечи и прижал к себе спиной. Она выгнула шею, чтобы посмотреть на него. Болотные глаза блестели отчаянием, закушенная губа покраснела, ноздри широко раздувались при выдохе.

– Пусти!

– Давай удивим эту жизнь? За городской стеной много тепла, – прошептал он ей в самое ухо и увидел, как бледная шея и рука покрылись мурашками. – Даже ветер там может быть теплым, – он склонился еще ближе.

Она резко отвернулась и обмякла в его руках.

– Да пошел ты!..

– Давай ты пока просто примеришь мой старый дорожный костюм? – Стел осторожно ее отпустил. – Уйти ты успеешь всегда.

Не оборачиваясь, она кивнула и подошла к матушке. Та молча увела ее наверх.

Стел принялся мыть посуду. Прохладная вода успокаивала руки, согревал очаг. Стел тер кружки золой. Мерно постукивала крышка котелка, выпуская облачка пара.

Матушка плотно закрыла дверь наверху лестницы, спустилась, прошла до окна, вернулась.

– Да брось ты эти кружки! – не выдержала она. – Посиди со мной.

Стел вытер руки и сел на скамью.

– Взять Рани с собой – плохая идея.

За что Стел любил матушку, так это за правду в лоб. Без предисловий.

– Если я этого не сделаю, она убьет себя. Я это знаю. Вчера я увидел ее на мосту в парке, с камнем на шее. Она бы прыгнула, если бы я не остановил. И сейчас она собиралась туда же.

– Ты знаешь, почему она хочет покончить с собой?

Стел только развел руками.

– Вчера, когда я подавала ей платье после купания, я увидела на ее животе ожоги. Похоже на черный багульник.

– Черный багульник... – пробубнил Стел, вспоминая травники.

– А еще ученый маг, – невесело усмехнулась матушка. – Черным багульником выжигают гулящих женщин, чтобы не рожали. Болезненный и жестокий способ.

Сейчас его используют крайне редко, если только нужно публично напомнить рыцарям о священном Кодексе. За связь с простолюдинкой рыцаря казнят, а женщину выжигают. Рани, очевидно, простолюдинка: у нее руки посудомойки и нашивки таверны «Белый кот» на нижней рубашке. И она, очевидно, ненавидит рыцарей.

– Жестокий закон, – Стел нахмурился и с опаской глянул на матушку: впервые он увидел в ней вдову рыцаря.

– Рыцари – защитники святой веры – подают нам пример праведности. Но и они люди. А люди слабы. В Кодексе много жестоких законов.

– И все же Рани больше некуда идти, – прошептал он. – Оставить ее на верную смерть здесь или...

– Или решить за нее? – мягко улыбнулась матушка и вновь сжала его руку. – Не убивайся, Стел. И не уговаривай. Это ее выбор. Не бери это на себя.

Стел отвел взгляд. Она часто оказывается права, но...

В дверь постучали.

– Да-да, войдите, – тут же встrepенулась матушка и привычно оправила чепец.

Молоденькая девушка с громадным свертком юркнула в прихожую.

– Ах, Лилу! – натянуто улыбнулась матушка, тут же принимая сверток – Стел хорошо знал эту особую улыбку для заказчиков. – Что-то ты сегодня бледная... приболела?

Губы Лилу сливались с лицом молочной белизны, но ее это вовсе не портило: карие глаза блестели из-под пушистых ресниц, из-под белого платка выбивались густые кудри. В ней слышались отголоски саримской крови.

– Нет, тетушка Лесса, со мной все хорошо! – Она бросила неловкий взгляд на Стела и потупилась в пол. – Матушка зайдет завтра по поводу кружев, но платья уже можно начинать, все должно быть готово к празднику Нового лета.

– Да-да, я помню, – пробормотала матушка, разворачивая отрезы, и изменилась в лице. – Неужто шелк?

– Неужто, – звонко рассмеялась Лилу. – Недавно прибыл караван...

– И отец решил вас порадовать к твоему первому балу, – матушка подмигнула ей с видом заговорщицы. – А как же парадный костюм для него?

Лилу поникла и спрятала руки за спину.

– Он не идет на бал. Он далеко уезжает, теперь парадный костюм ему потребуется разве что к празднику Урожая...

Присев в быстром реверансе, она попрощалась и выбежала за дверь.

– Ты идешь под командованием Рокота? – вскинула матушка тонкие брови и вдруг поджала губы, скрылась за ширмой и закопошилась.

– Да, а что такое? – заглянул к ней Стел.

Она только мотнула головой, продолжая суетливо переключать отрезки на рабочих полках.

– Какая же юная стервочка подрастает! – бубнила она себе под нос. – Едва из пеленок, а уже глазами стреляет, видел? Вся в мать. Модницы... платье из чистого шелка!

– Матушка? – Стел не узнавал свою терпимую мудрую мать.

– Прости, нашло... – Она осеклась и покраснела. – Все дело в Мирте, ее матери. Думаю, тебе стоит знать, что твой отец долго считал Рокота лучшим другом, а развела их Мирта. За ней тогда половина Ерихема ухлестывала...

– Но при чем здесь мой отец? – нахмурился Стел: еще никогда он не видел у матушки такого яростного взгляда. – А как же ты?

– Мирта выбрала Рокота, Грет женился на мне, через год родился ты, – скороговоркой выпалила матушка и принялась собирать в коробку катушки и обрезки со стола. – Но с тех пор Рокот перестал быть для Грета другом. Он продолжал ревновать и завидовал нам, ведь у них с Миртой долго не было детей. Они соперничали не только из-за женщин, но и из-за поста главнокомандующего.

– Подожди, ты что-то недоговариваешь, – Стел подошел и отобрал у нее коробку. – Почему ты никогда не рассказывала?

– И сейчас ни к чему копаться в прошлом, – матушка мягко вернула коробку и продолжила уборку. – Я всего лишь хотела предупредить: не жди от Рокота души нараспашку, не спорь с ним и не лезь на рожон.

– Ты что-то знаешь о нем?

– До степных походов наши семьи были близки, а когда Грет не вернулся, я для них стала всего лишь первой портнихой Ерихема – не более. Рокот прекрасный главнокомандующий, верноподданный Ериха, праведный прихожанин, но будь осторожен, – она наконец-то поставила коробку на место и пристально посмотрела сыну в глаза.

– Хорошо, – сдержанно ответил Стел. – Я понял.

Он с детства знал этот твердый взгляд, когда разговор окончен.

– Кхм, – донеслось с лестницы. – Вышло по-уродски?

Рани презрительно фыркнула, оглядывая себя. Точнее, не Рани, а молодой безусый паренек в мешковатой рубахе и штанах, собранных от колен гармошкой. Высокие ношенные сапоги поблескивали свежим воском, на бедрах болтался пояс. Топорщились взъерошенные волосы, на щеках залегли тени, сильнее заостряя скулы, – Стел бы и сам с легкостью принял ее за мальчика.

– Это какая-то особая магия? – Он открыл рот.

– Женская магия, – усмехнулась матушка и подмигнула Рани. – Ты можешь взять тени и все остальное с собой. Если ты действительно решишься идти, – она выразительно приподняла тонкие брови.

Рани открыла рот, чтобы ответить, но так и закрыла его, не проронив ни слова. Она круглыми глазами смотрела куда-то за спину Стела. Он обернулся и застыл.

В открытом дверном проеме, в золотом ореоле заката стояла она. Каштановое платье струилось от бедер теплыми переливами, широкий пояс подхватывал талию. Локоны темными лучиками кудрявились вокруг лба, задорно выбивались из длинных кос с желтыми помпонами на концах. Это были те самые желтые помпоны, что когда-то носила непослушная девчонка в предгорьях. Она и теперь дерзко бросала вызов – вместо платка или шляпки лишь короткая красная косынка прикрывала ее макушку.

Но главное – это глаза. Янтарные, чуть с горчинкой, они будто впитали солнечный свет целого лета. Стел увяз в медовом тепле ее взгляда и забыл обо всем: о походе, об обиде и об Эмане.

Она все-таки пришла попрощаться...

– Ваше высочество, – он склонил голову перед единственной дочерью Ериха Великого.

Агила улыбнулась – морщинки лучиками собрались у внешних уголков глаз, на левой щеке появилась ямочка, кожа бархатилась в лучах заката и напоминала столь любимые ею абрикосы.

– Оставьте эти церемонии! – рассмеялась она, скинула меховую мантию и просто повесила ее на крючок, рядом со стареньким плащом Стела.

– Твое платье еще не готово, – опомнилась матушка, засуетившись.

– Я не за ним, Лесса, что ты! – Агила остановила ее и склонила голову набок. – Я помню, что примерка еще через два дня. Я пришла к Стелу. Здесь все свои, мне ни к чему играть в «ваше высочество», так? – она бросила выразительный взгляд на Рани, а потом уставилась на Стела, приподняв изогнутую бровь.

– Да, – Стел замялся лишь на мгновение, но вдруг понял, что не хочет открывать ей правду о Рани. – Это мой ученик, он отправляется со мной в поход.

– Ты все-таки согласился на предложение Мерга?

Огорчение или радость скрывало ее наигранное удивление?

– Меня... не спрашивали, – осторожно ответил он. – Но откуда ты знаешь о предложении Мерга?

– С твоего позволения, Лесса, мы поговорим в саду, – Агила кивнула и вышла наружу.

Стел накинул плащ, прихватил ее мантию и вышел следом – она никогда не думала о таких мелочах, как пронизывающий весенний ветер.

Старая яблоня ссутулилась над низенькой лавочкой, камни клумбы почернели за зиму, и давным-давно замерли детские качели. Скоро высохнет земля, и матушка кисточкой с белой краской, словно волшебной палочкой, вернет в сад жизнь и уют.

Агила торопливо шагала по дорожке и благодарно кивнула, когда Стел накинул на нее мантию. Янтарные глаза больше не светились радостью, исчезла ямочка со щеки.

– Стел, я должна тебе признаться, – затараторила она, сжимая длинными пальцами желтые помпоны на косах. – Это я предложила Мергу тебя.

– Ты... что? – он замер как вкопанный и смотрел, пока она дошла до конца дорожки и развернулась.

Не спросив. Не предупредив. Она просто решила от него избавиться?

– Дядя готовил Эмана, – негромко произнесла Агила и медленно зашагала обратно. – Я не знаю, для чего на самом деле затевается этот поход, но мне он не нравится. Я не доверяю Мергу и Эману, – она подошла совсем близко и положила ладони на его плечи. – Это как-то связано со смертью моей матери.

Селена, мать Агилы, умерла, когда дочери едва исполнился год. Ерих и Мерг были безутешны, но не искали виноватых. Для Агилы же эта смерть всегда оставалась загадкой.

Но какой странный способ просить о помощи, решив все за его спиной! А самой разучивать с Эманом песенки ко дню встречи Нового лета...

– Не доверяешь Эману? – громко прошептал Стел и сбросил ее руки. – А может, смерть твоей матери здесь совершенно ни при чем? – он говорил все громче, срываясь на крик. – И ты просто хочешь отослать меня подальше, чтобы я не мешал миловаться с твоим нареченным?! Да и что вам до меня – ты с праздника Долгой ночи обо мне и не вспоминала! Просто ты не захотела надолго отпустить от себя Эмана!

Он не знал, откуда в нем столько злобы, – несколько мгновений назад он готов был простить ей все. Кроме того, что она попросила Мерга отослать его куда подальше. Только теперь он осознал, почему так сильно не хотел в этот поход – он не хотел уезжать от Агилы, но раз она сама так решила...

Стел резко развернулся на пятках и пошел к дому.

– Охи дурак же ты, Зануда...

«Зануда». Она называла его так с детства. Поначалу он злился. А теперь полюбил.

Горло сжалось горячим комком. Стел остановился.

– Я во всем мире только тебе доверяю, слышишь? – каждое ее слово гулко отдавалось в ушах. – Мне нужна твоя помощь. Там, в походе. Ты сможешь во всем разобраться. Я знаю, ты умеешь думать своей головой.

«Думать своей головой». Пароль, прижившийся со времен, когда они вместе воровали зеленые абрикосы.

– И не судить всех скопом, – ответил он старым отзывом и развернулся.

Она так и стояла на середине дорожки. Щеки блестели слезами в последних лучах заката.

Еще никогда Стел не видел, чтобы Агила плакала. Сдирала коленки в кровь, падала с деревьев, но никогда не плакала.

– Ты так ничего и не сказал мне после праздника Долгой ночи! – звонко выкрикнула она.

Она не любит Омана.

Стел понял, что широко улыбается. В три шага он подбежал к ней и крепко прижал к себе. Темные косы пахли медом и абрикосами. И немного вишневой косточкой. Стел поцеловал соленые губы, страстно и яростно, с запозданием отвечая на ее поцелуй. Агила прильнула к нему, доверчиво и нежно, будто была обычной девчонкой, а не наследной принцессой.

– Не забудь вернуться, Зануда, – прошептала она, касаясь губами его уха. – Я буду тебя ждать.

По его шее и левой руке пробежали мурашки.

Недавно такие же мурашки он видел у Рани.

Глава 8

На полотнище, натянутом между тремя жердями, возлежал Слассен – иначе не скажешь: острые колени выше ушей, голова откинута, пальцы сплелись на тощей груди и во все стороны струится по ветру серая хламида.

– А ты неплохо устроился, пресветлый, – хохотнул Рокот.

– Неплохо? – храмовник глянул желтыми от усталости глазами, скорбно поднял лысые брови, еще сильнее сморщив лоб. – Переход от Ерихема дался мне крайне непросто...

– О, – Рокот с деланным сочувствием поджал губы. – Боюсь, мы даже не вышли за пределы Окружной стены. Все еще впереди.

Слассен устало прикрыл глаза, уголки губ опустились – маска страдания застыла на безволосом лице. Из фургона показался долговязый подросток с вышитой на предплечье ласточкой, просеменил к храмовнику и склонился до самой земли. Над головой он держал исходящую паром кружку.

– Мир и покой тебе, ласточка, – прошелестел Слассен, забрал горячий напиток и взмахом руки отпустил сироту.

Паренек еще сильнее втянул голову в плечи, зыркнул на Рокота и так же бесшумно скрылся в фургоне – только скрипнула деревянная дверь, обитая темной кожей.

– Ласточка? – грубовато переспросил Рокот. Конечно, отношения храмовников с сиротами его не касались...

– Лишив имен, мы приучаем их ставить общее превыше личного, – только теперь Слассен открыл глаза, самодовольно ухмыльнулся и осторожно глотнул темную жидкость.

– Вареное вино? – нахмурился Рокот.

Пускай их сиротки зовутся хоть ласточками, хоть воробушками, но нарушения Кодекса пьянством он не потерпит даже от храмовников! Стоит допустить маленькую поблажку – и тут же начнется прежний упадок. Кто знает, спился бы его отец, если бы заповеди праведников соблюдались свято?

Слассен спокойно покачал головой:

– Нет, это саримский чай. Ничто так не восстанавливает силы. Угостишься?

Жирно живет! Балует Ерих своих храмовников, балует.

– Благодарю, но рыцарям на службе не подобает предаваться излишествам, – не удержался от упрека Рокот.

Храмовник растянул рот в безгубой улыбке:

– Увы, это не излишество, а жизненная необходимость. – От чая его впалые щеки и вправду порозовели.

– И все же пришел я не цены на чай обсуждать, – сплетя пальцы, Рокот нетерпеливо хрустнул костяшками. – Отойдем, нужно поговорить.

Чтобы избавиться от вездесущих ушей, они пошли по одной из трех лучевых улиц, деливших лагерь на доли. Позади остались главный шатер, фургоны, высокие палатки дольных. У внутреннего кольца костров уже толпился люд – как мошкара слетелись на запах кипящей каши. При приближении Рокота стихали смешки и болтовня, оруженосцы старались слиться с серостью пологов и земли, а рыцари повесомее, напротив, настырно лезли в глаза.

– Мир и покой этому вечеру, – нарисовался на пути Улис, второй дольный. Он часто моргал, подергивая куцыми усиками. – А мы на совет торопимся, а вы оттуда...

– Скоро вернемся, – бросил на ходу Рокот. – Готовьте пока карты.

Они миновали загоны для лошадей. Белоснежный жеребец Фруст ласково фыркнул хозяину и вернулся к долбленке с овсом. И только на вершине земляного вала Рокот оглянулся на запыхавшегося храмовника.

– Не торопись, пресветлый. Мы не спешим.

Терпеливо дожидаясь Слассена, Рокот смотрел на вечерние огни Пограничного, шпили храмов, смазанные серым небом, вдыхал запах пережаренного масла и семечек и вспоминал, как двадцать лет назад стоял на этом же самом месте. Рокот тогда только отпускал бакенбарды, Грет и не думал погибать, и они не знали, кого же наутро объявят главнокомандующим.

– Зачем мы... так далеко... забрались? – задыхаясь, просопел Слассен.

– Чтобы поговорить начистоту, – Рокот отвернулся от прошлого и без улыбки взглянул в лицо храмовника. – Позавчера, во время домашней молитвы, моя дочь едва не погибла из-за ключа к сердцу Сарима, – Рокот выдержал многозначительную паузу. – Так скажи мне, как именно будут использоваться эти ключи?

Храмовник долго пытался сглотнуть слюну, а потом вдруг затараторил:

- Я уже рассказал все, что знаю. Нам ни к чему понимать, как именно действует чудо...
- ...дарованное откровением Сарима, – передразнил его Рокот и сплюнул в сторону. – Все это я уже слышал. Так не пойдет. Ерих и Мерг поручили мне важное – очень важное для них! – дело. И у тебя тот же приказ, верно?
- Верно... – Слассен недоверчиво моргнул, его глаза слезились на ветру.
- Ключи поручили мне, чтобы я в полной мере принял ответственность. И я ее принял. Но что скажет Ерих, если узнает, что ты отказываешься помогать мне? – Рокот приподнял брови, наклонился к самому уху храмовника и вкрадчиво прошептал: – Что скажет Ерих, если узнает, что ты предаешь наше общее дело?
- Я – что? – Слассен сморщился, будто земли наглотался. – Быть может, мы обойдемся без угроз?!
- Быть может, обойдемся, – миролюбиво улыбнулся Рокот и выпрямился. – Так расскажи, как вы планируете использовать ключи в храмах и как они поведут себя во время молитвы.
- Ключи – изобретение Ериха и Мерга, над которым они работали годами, но закончили лишь недавно, – осторожно начал храмовник. – И я действительно не должен знать, что и как там происходит. Ключ должен быть в шпиле храма – все. Он как-то настроен на слова и мотивы молитв, но... я не пробовал.
- Не пробовал – что? – опешил Рокот.
- Слассен по-птичьему вытянул шею:
- Не пробовал молиться с ключом.
- И... первая молитва с ключом состоится в лесном храме, среди враждебных Сариму лесников? – Рокот даже присвистнул. – Это ваш план?
- Не торопи события, храм вначале должен быть построен, согласие получено...
- Ты хочешь сказать, что не веришь в успех похода?
- Я хочу сказать, что еще рано об этом. Пока мы доберемся до леса, пока построим храм. Нам еще нужно пройти Каменку и тамошних магов – я обещал Мергу опробовать ключи после Каменки, во избежание...
- Становится все любопытнее и любопытнее.
- Так ты подтверждаешь, что они связаны с магией, пресветлый? – негромко спросил Рокот.
- Я всего лишь должен проследить, чтобы ключи использовались по назначению, – сощурился Слассен. – А меня тут обвиняют в предательстве!
- Никто тебя не обвиняет, – Рокот похлопал его по покатым плечам. – Ерих и Мерг утверждают, что эти ключи – великое чудо, ниспосланное самим Саримом, не запятнанное магией, верно?

Слассен кивнул и отвел взгляд.

– Но ты опасаясь, что они связаны с магией?

Слассен кивнул еще раз.

– Все довольно просто, – вздохнул Рокот. – И все же мы тщательно опробуем их, как ты и обещал монарху. Пробовать вы будете сами: с «ласточками», или с тесным кружком учеников, или в одиночестве – это уже на твой вкус, – Рокот протянул ему раструб, заранее завернутый в отдельный шелковый лоскут. – Под твою личную ответственность.

– Но каменные маги... – пролепетал Слассен и сжал дрожащими пальцами сверток.

– Это оставь мне, – бросил Рокот.

Слассен кисло улыбнулся.

– И да, будьте осторожны с нашим сопровождающим, Стелом Виртом, – добавил Рокот. – Он не столь слепо предан монархии, смертных клятв не давал и может полезть не в свое дело, недопонять и неверно истолковать ваши чудеса.

Под навесом главного шатра всюду полыхал костер, дым поднимался к узкой дыре наверху. Рокот опустил на камень, указал Слассену место неподалеку и с одобрением оглядел совет.

Дольные, до этого прилежно изучавшие карту, приветствовали главнокомандующего и поспешно рассаживались. И не скажешь, что в мирное время они друг друга разве что терпят: старый Натан никогда не поймет пронырливого Улиса, а молчаливый Борт признает только правду боя, но именно вместе они составляют надежную опору рыцарей Меча и Света, гордость всех Городов.

Маг держался поодаль. В отличие от Слассена свой дурацкий плащ он сменил на практичный дорожный костюм, но манеру задирать нос вместе с плащом он, к сожалению, не снял.

– Нашему отряду несказанно повезло, – подчеркнуто радостно начал Рокот. – Все вы, конечно, слышаны о главном слугителе Ерихема, настоятеле дворцового храма, пресветлом Слассене Сине. В походе он будет вести всеобщие молитвы, чему мы безмерно рады. А наша первоочередная задача – его комфорт и личная безопасность. Так же как и безопасность его учеников и сирот. Без них постройка храмов лишена смысла.

Натан усмехнулся в седые усы:

– Будешь ли ты, пресветлый, трубить по вечерам в горн, как это делают теперь в Ерихеме? Я мог бы и тут ходить дозором за непослушными прихожанами.

Слассен хихикнул и потер ладони, увлекаемый привычным танцем пустопорожних слов.

– О, главнокомандующий Рокот Рэй поддерживает среди рыцарей столь высокие нравы, что горн я смело оставил в Ерихеме, там он нужнее.

– А я уже хотел предложить себя в качестве горниста, – хохотнул Улис.

Борт только глянул из-под тяжелого лба и поворошил в костре угли.

Рокот терпеливо переждал обмен любезностями и продолжил:

– Это, конечно, не военный поход, но я, как всегда, напоминаю о соблюдении Кодекса и дисциплине, следите за своими рыцарями и особенно оруженосцами. Да, мы идем не захватывать земли, а строить храмы, но все же не забывайте: мечи всегда должны быть остры. Всегда.

– Прошу прощения... – Стел, будто школяр на уроке, поднял руку. – Боюсь, что с жителями леса как раз это может оказаться лишним. И даже навредить. Все не так просто, но, к сожалению, лес изучен крайне мало. Мы знаем лишь то, что местные высоко ценят жизнь и полностью зависимы от своих богов.

– Воображаемых божеств, – Слассен торопливо сложил ладони лодочкой и зашептал очистительную молитву.

Улис подобострастно бросился повторять за ним каждый жест. Борт лишь пожевал губами воздух – спасибо, хоть кто-то держит свое мнение при себе. Прежде чем Рокот успел ответить, Стел продолжил:

– И потому я убежден, что, прежде чем врываться в незнакомый для нас мир, мы должны подготовиться тщательнее. Я предлагаю такой план. Согласно старым картам, где-то у Восточных ворот Окружной стены, что расположены в Хеме, есть перевал через горный отрог, – Стел подошел к карте и очертил довольно обширную область заранее очищенной от коры палочкой – надо же, какой предусмотрительный зануда, даже указку подготовил! – Если бы мы отправили несколько человек этой дорогой, они бы скоро оказались в лесу и пошли бы на юг, навстречу основным силам, которые бы двигались по степному тракту. Встречу можно назначить в лесной деревне Приют, где сливаются Степная и Лесная реки. Тогда бы мы лучше узнали лес и были бы готовы...

– Довольно фантазий, – прервал его Рокот. – Это опасно. И это долго. Ты уверен, что перевал через отрогходим? Кто из живых им пользовался? Ты поручишься, что разведка не заблудится в лесу и доберется до этой деревни? Не говоря уже о каком-то там изучении. Нет, нас и без того слишком мало – три доли по дюжине рыцарей, не считая оруженосцев. Любое разделение исключено. Прости, мальчик, – он намеренно вложил в последнюю фразу презрение, чтобы отбить у него охоту умничать.

Стел поджал губы и сузил карие глаза – сколько раз Рокот видел такое лицо у Грета!

– Я ожидал отказа, – наконец маг проглотил обиду. – И тогда мне остается лишь просить несколько дополнительных дней в Каменке для изучения архивов и бесед с местными. Степняки куда лучше знают нравы лесных жителей, у них налажен контакт и даже натуральный обмен. В любом случае я предлагаю держать мечи в ножнах и не торопиться.

– Все это не твоя головная боль, – повысил голос Рокот. – Здесь я решаю, по какому маршруту мы идем, сколько стоим и где держим мечи! Это понятно?

Дольные прижухли и изо всех старались не дышать. Слассен вылупил глаза и проглотил язык. Но Рокота сейчас интересовал исключительно Стел.

– Непонятно! – Маг встал и упрямо мотнул головой. – Я здесь для того, чтобы мы успешно построили храмы, – Мерг лично разъяснил мне задачу. И если вы не будете прислушиваться к моему мнению...

– Вот если ты вместо того, чтобы слушать, будешь пререкаться, то можешь не дожить до конца похода, – Рокот дружелюбно развел руки в стороны.

– Это угроза? – Стел весь подобрался, будто перед боем.

– Это опыт, мальчик, – парировал Рокот. – Если мне потребуется совет, я обращусь к тебе. Но пока здравый смысл и опыт на моей стороне. Однажды я уже видел, как молодой вдохновенный паренек с такими же восторженными карими глазками доказывал всем, что можно обойтись без кровопролития. Мы стояли тогда как раз под стенами твоей вожделенной Каменки. Он поверил их лживым посланникам и загремел в подземелья на несколько месяцев, отчего и умер. Мальчика звали Грет Вирт, и повторения той истории я не допущу.

Стел сжал кулаки и выкрикнул:

– Мой отец погиб как герой!

Сколько огня в голосе, сколько страсти! Похоже, с этим щенком будут одни проблемы.

– Только я знаю, как погиб твой отец, – процедил Рокот и поднялся. – Двигаемся по степному тракту до получения особых распоряжений. Совет окончен.

Глава 9

Над костром кудрями вился дым. Беянка в рубахе до пят сидела на земле, жар от углей согревал колени, справа обиженно сопела Ласка, слева Горлица смотрела на огонь сквозь закрытые веки. Тетушка Мухомор шла по кругу за спинами учениц, подбрасывая сосновые лапы в пламя, и оттого все сильнее слезились глаза. Жженая горечь собиралась в носу и со вдохом заполняла грудь, согревая тело, забирала на себя усталость и боль. Дым очищал.

Сельчане, усталые после ночных гуляний, теснились у края поляны и терпеливо ждали, пока ведуньи подготовятся к встрече Нового лета. До восхода оставался час – страшный час, когда сильны неприкаянные души. Кусты боярышника и терна стояли в белесой дымке, словно по молодой листве стекала меловая вода и затапливала острые былинки мятлика. Над рекой курился туман, белым пухом оседая на ряске заводей.

– Ведуньям запрещен обряд обручения, – негромко произнесла тетюшка Мухомор.

Беянка втянула голову в плечи. Она не должна любить Стелка. Не должна. Но она любит... любит! И если цена за это – вся волшба мира – пропади она пропадом эта волшба!

Но ведунья продолжала вышагивать за спинами и поучать:

– Ведунья ни с кем не может разделить жизнь, чтобы самой – и только самой! – отвечать за свои ошибки. Вам нельзя было танцевать под балладу о тех, кто даже на запад ушли вместе. Нельзя! Я предупреждала, но вы обе меня не послушали.

Сдерживая дрожь, Беянка выдохнула медленно и протяжно. Тошно засосало подложечной.

– Так что сейчас, пока не взошло солнце и не скрепило обручения, мы посмотрим рисунки ваших судеб, и вы выберете путь раз и навсегда.

Тетушка Мухомор склонилась над Беянкой. Пахло мелиссой и душицей.

– Раскрой ладони, – шепнула она и насыпала щепотку желтых лепестков.

Повторив то же самое с Лаской и Горлицей, ведунья приказала:

– Сожгите поздние одуванчики в ритуальном костре, а пепел разотрите и поднимите руки над головой. Пойте со мной!

Тканое кружево

Сызмальства сужено.

Пеплом посыпано,

Вспыхнуло, выпало.

Огонь обжег кожу – Беянка закусил губу, из уголков глаз покатались слезы. Коротко вскрикнула Ласка, но все кончилось быстро: лепестки скорчились серым пеплом и прилипли к ладоням ломаными линиями и завитками.

– Горлица, – с присвистом, еле слышно говорила ведунья, так что Беянка с трудом разбирала слова, – жизнь тебе предстоит длинная, трудная, полная ворожбы и тяжелых решений. Люди доверятся и пойдут за тобой. Крепись. Хватило бы сил.

Беянка искоса глянула на старшую ученицу – радость лишь на миг озарила ее белесые глаза, зарумянились впалые щеки, но улыбка тут же потухла, гордо вытянулась и без того длинная шея.

– Ласка, – тем временем тетушка Мухомор подошла к ней. – Перед тобой два пути, милая. На одну дорогу тебя тянет, а другая тебя ищет. По одной проще пройти, по другой лучше. Помни мои уроки, всегда помни.

Ласка хитро улыбнулась до глубоких ямочек на щеках и колко глянула через огонь на Беянку – спину ободрало холодом, но тут подошла тетушка Мухомор. Она долго, слишком долго вглядывалась в узор, а потом бросила:

– А тебе ничего на роду не написано.

– Как? – выдохнула Белянка.

– А вот так! Не будет в твоей жизни подсказок: что хорошо, что плохо. Не сможешь ты идти по проторенной дороге, ни у кого не спросишь совета, потому что нет для тебя пути.

– Слишком ветвится? – спросила Горлица.

– Нет! – с жаром прошептала ведунья. – У нее вовсе нет судьбы! Нашу Белю отправили в этот мир просто так: без умысла, ни в награду, ни в наказание. Может, она сама судьбу себе найдет, а может, и заблудится.

На душе стало мерзко. Словно Белянка вмиг оказалась ненужной целому миру.

– Думай, живи, выбирай сама, – посоветовала тетушка Мухомор.

– Ты не могла ошибиться? – прошептала Белянка.

– Нет, – вздохнула ведунья. – Хватит болтовни. Решайте сами, учиться вам у меня или с мальчиками целоваться. А пока – вставайте, скоро взойдет солнце.

Одна за другой ученицы поднялись с земли и пошли за ней след в след, подпевая гортанному заклятию Пробуждения. Каждый третий шаг тетушка Мухомор возвышала голос, и они подбрасывали в огонь щепотки соли и сушеных трав. Клубы густели, будто из котла вытекало кипящее варево. Дым пробирал до слез, до щемящей тоски в груди – неужели они и правду в последний раз вместе будят Лес? Неужели возможно отказаться от волшебства и навсегда закрыться от мира? Или тетушка Мухомор хочет, чтобы Белянка сама поняла, что должна отказаться от Стрелка, что у нее нет ни выбора, ни судьбы?

– Встаньте единой цепью! – громогласно воскликнула тетушка Мухомор. – Скрепите собой разрыв времен на стыке Старого и Нового лета. Поднимите над Лесом солнце!

Ведуньи ускорили шаг, по кругу отходя от костра все дальше к краям поляны. Сельчане выстроились разомкнутым кругом, в который через равные промежутки вклинились ученицы. Белянка отыскала место между Русаком и тетушкой Пшеницей, сжала их прохладные ладони.

– Закройте глаза! – скомандовала тетушка Мухомор, вытянулась струной и опустила напряженные руки, с шумом втянула воздух. Сила земли мощным потоком устремилась в смертное тело.

От резкого потока тепла у Белянки закружилась голова. Устремляясь вслед за ним, она закрыла глаза, и мир исчез: померкли Большая поляна, костер и река. Дым, напитанный пряными травами, солью и водой, свитый гортанной песней в тугие косы, закручивался спиралью по следам шествия ведуний и с каждым оборотом вбирал распахнутые души. Ведунья деревни Луки взяла первого в цепи за руку, и сила почвы, глубинных вод, родников и каменных костей полилась из ладони в ладонь, обжигая нутряным огнем, сковывая верховым льдом, и, заполнив Отца деревни Луки, стекла

обратно в землю. Растворилось все человеческое, и остался чистый поток первородного тепла.

Шествие двинулось в чащу.

В едином ритме бились сотни сердец, в такт неспешным шагам, в такт пульсации пробуждающихся деревьев. Ноги знали, куда ступать, чтобы не зацепиться за высокие корни. Головы знали, когда пригнуться, чтобы не удариться о низкие ветви. Губы вторили шепоту листьев. Сколько раз они повернули? Сколько причудливых узоров нарисовали вокруг стволов? Наяву этого и не вспомнить, не сосчитать.

Они были каждым деревом и листом, ветром в ветвях, сонным волком и шустрым зайцем. Они были Лесом. И Лес просыпался, раскрывался навстречу новому дню и Новому лету. Стряхивал клочья тумана, умывался росой, тянулся в небо и прорастал в глубину до огненного сердца Теплого мира.

Шествие завершилось на Большой поляне, когда небо уже сочилось зарей. Сельчане, возвращаясь в родные тела, вновь выстроилась кругом, разомкнутым на востоке. Ведунья открыла глаза, искусанные дымом и налитые кровью. Через эти глаза смотрел сам Мир.

– Лето грядущее будет опасным! – провозгласила она. – Но не засуха, не град, не ураган будут тому виной. Вызреет урожай, расщедрится лес, народятся дети... – на мгновение она замолчала, потом добавила шепотом: – Беда придет от людей.

Сельчане растерянно молчали. Не таких предсказаний ждали они этим утром. Тетушка Мухомор выдохнула, отпуская неподъемную для смертного силу, и добавила своим обычным голосом:

– Испокон веков живем мы на этой земле. Каждый вечер солнце уходит на запад, но какой бы темной ни была ночь, однажды рассветет вновь. Нужно только дожить. И сохранить наш Лес, наш мир.

Белянка вспомнила зыбкий ночной песок, сердце сжалось, словно под порывом ледящего ветра. Но солнце не ждет – Стрелок откупорил кувшин с вином, поднял над головой и звучно выкрикнул:

– За Новое лето!

Сделал первый глоток и передал по кругу. Противосолонь, повторяя путь ночного солнца, обратный дневному ходу, кувшин шел с запада на восток. Белянка глотнула терпкого черносморозинного вина, отчего-то отдававшего мятой и шиповником, и передала дальше. Наконец тетюшка Мухомор сделала последний глоток и вылила остаток перед собой. Земля окрасилась в цвет крови.

Оставалось лишь ждать и слушать шелест молодых листьев.

Вдалеке закричала одинокая птица. Затем еще одна, и еще. Лес до краев заполнился разноголосым щебетом.

Стрелок шагнул на восток, тетушка Мухомор – на запад. Первый луч новорожденного лета вырвался из мрака, осветил верхушки деревьев, и Ведунья сжала посох Отца деревни, высоко поднятый над головой.

– Круг замкнулся...

Шепот сплелся со щебетом птиц и плеском реки, затерялся в кронах. Белянка отвела от солнца глаза, полные счастливых слез, и глянула, как обещала, на Стрелка.

Он смотрел мимо, не узнавая, не улыбаясь.

Сердце ухнуло в живот, задрожали колени, и горло забило тошнотой. «Он просто забыл, устал – да мало ли!» – успокаивала она себя, но дурной привкус мяты и шиповника не уходил с языка.

Хотелось выкрикнуть:

– Ну посмотри на меня!..

Но в пронзительно-голубых глазах не осталось ни капли бывшего света и тепла. Лишь ледяной холод зимних небес.

Будто другой человек. Они ничего друг другу не обещали, а голова мутна от обряда. Лучше всего просто лечь спать.

С тяжелым сердцем, еле переставляя ноги, Белянка побрела на холм, к избушке под старой сосной. В ушах гудело от бессонной ночи, едкого дыма и хмельного кваса, ноги ломило и жгло.

На пороге стояла растрепанная Ласка и спорила с Горлицей. Едва завидев Белянку, она яростно зашептала:

– Это она взяла сушеный барвинок из твоих запасов! Точно она!

Белянка остановилась в недоумении и громко спросила:

– Что я взяла?

– Тише ты! А еще подруга называется! – Ласка зло плюнула и развернулась, чтобы уйти, но Горлица с силой ухватила ее за предплечье.

– Мне все равно, кто из вас это сделал, – спокойно объяснила она. – Я знаю, для чего глупые девочки вроде вас могут использовать барвинок с мятой и шиповником. И я должна рассказать тетушке Мухомор.

Барвинок. Мята. Шиповник.

Словно три крупные капли дождя одна за одной упали в сухую пыль, взорвавшись брызгами.

Приворот.

– Да не делала я ничего! – зашипела Ласка и выдернула руку. – Больно мне нужно! Любой парень в деревне и без того моим будет! Ты лучше на Белянку посмотри – кому нужна такая серая мышка? Наверняка это она!

Как Белянка не догадалась? Черносмородиновое вино не должно отдавать мятой и шиповником!

Но у нее не было ни единого шанса – Стрелок сделал первый глоток. И Ласка знала, что именно он сделает первый глоток. И попадет в ее сети.

Горлица медленно выдохнула:

– Пусть тетушка Мухомор сама разбирается с вами. Но впредь не смейте трогать мои припасы! – Она одарила каждую леденящим душу взглядом и с гордо поднятой головой скрылась в избушке.

– Молодец, доигралась? – прорычала Ласка.

– Как ты могла? – прошептала Белянка.

Ласка смотрела на нее широко распахнутыми глазами, изрезанными красными прожилками. Узкие зрачки прокалывали душу насквозь.

Ласка, как ты могла?

Не было сил ни кричать, ни рыдать, ни драться.

Не было сил. Не было смысла.

– Как ты могла так предать меня? – выдавила Ласка. – Я же тебя почти сестрой считала! – На смоляных ресницах задрожали прозрачные бусинки слез. – Ты подослала братца, чтобы самой станцевать со Стрелком! Но ты забыла, что я всегда добиваюсь своего!

Ласка спрыгнула с порога и опрометью бросилась прочь. Белянка смотрела ей вслед и не могла дышать. Больно было так, будто и вправду сестра родная предала. Глаза, засыпанные песком, не хотели смотреть, колени подгибались, а в голове завывала пустота.

Глава 10

– Я сваливаю!

Стел обернулся на резкий толчок в бок. Рани смотрела снизу вверх, решительно вздернув подбородок. Руки на поясе, рубашка мешковато висит на худых плечах, штаны собираются складками у заляпанных грязью сапог – маскарад мальчика-подмастерья во всей красе. И только сжатые до белизны губы и зареванные глаза с потрохами выдают в ней девчонку.

– Что у тебя стряслось?.. – сдавленно прошептал Стел.

– Не твое дело, – огрызнулась она, короткие ресницы слиплись от слез.

Подходящее место пореветь! Внутренний круг лагеря переполнен в преддверии ужина: кто по службе стоит у котлов, кто за компанию поболтать-перекурить пришел. К тому же вечерняя молитва на носу. Слова, конечно, теряются за гомоном и звоном топоров, да и ветер рвет на шестах флаги, хлещет пологими шатров, но маг и его подмастерье – слишком видные фигуры и притягивают любопытные взгляды.

– Держи себя в руках, – сквозь зубы выдавил Стел и мотнул головой. – Отойдем?

К счастью, смеркалось, и достаточно было шагнуть за ближайшую палатку, чтобы скрыться от света костров. Чернильное небо стекало далекими стенами дождя. Рванье облаков спускалось жидким туманом.

– Куда ты пойдешь?

Рани передернула плечами и облокотилась о деревянный остов палатки. И впрямь, безусый юнец с острыми скулами. Или растерянная девчонка, которой осталось сделать последний шаг – и ее размоет дождем. Без следа.

Они вряд ли еще когда-то увидятся. Даже если она не покончит с собой.

– И ты ничего не расскажешь мне?

Рани долго молчала. Тянуло горелой кашей, дымом и мокрой псиной. В детстве у Стела была собака, в лютые морозы матушка позволяла ей погреться у очага – пахло так же. Бездомностью. Вот и они теперь – бездомные.

– Да говорить особо нечего, – она ссутулилась и обхватила себя за плечи. – Просто хотела тебя предупредить, ну... чтоб не искал.

Стел сощурился. Огонь бликовал в темноте ее глаз, мягко освещал куцые кудряшки, голую шею, лицо. Щеки, покрытые крохотным пушком, сейчас казались по-детски округлыми, и кожа напоминала спелые абрикосы.

Абрикосы. Волосы Агилы пахнут медом и абрикосами, и немного вишневой косточкой. Как и прощальный поцелуй.

Рани вчера видела их поцелуй. Стел перехватил ее тяжелый взгляд в окне. А потом без лишних вопросов она просто помогла собрать вещи и отправилась с ним в казармы.

– Почему ты все-таки решила пойти со мной?

– Неважно, – резко бросила Рани и осеклась, отвела взгляд, сминая пальцами складки рубахи на локтях.

Стел готов был поспорить, что она покраснела. Как и вчера.

Может, и вправду так лучше? Да, они никогда не увидятся, но пару дней назад они даже не были знакомы... Да. Но все же не хотелось ее отпускать. Казалось, отойди на сотню шагов – и ее жизнь оборвется. Бессмыслица. Он сам себе выдумал эту роль спасителя.

– Уйти со всеобщей молитвы, когда вокруг сплошь и рядом рыцари святой веры – не получится, – начал он осторожно. – Тебя все равно вернут, только нарвешься на неприятности.

Рани не шевелилась, лишь сильнее втягивала шею и ниже наклоняла голову.

– Уйти с ужина – глупо, я бы точно на твоём месте поел, что бы там у тебя ни произошло.

Она едва заметно кивнула, и тогда он прошептал:

– Останься до утра, – и коснулся ее плеча.

Рани медленно оторвала взгляд от его грязных сапог. Улыбка, робкая, детская, коснулась полураскрытых губ. Тонкие брови недоверчиво взлетели.

Будто бы безмолвно просит не отпускать?

Глупости. Он не станет ее уговаривать. К тому же теперь все изменилось. Рокот наглядно указал Стелу место, буквально ткнув его лицом в грязь! Им плевать на советы «мальчика» – Рокот все решает сам. Насмехается и угрожает. Стел нужен разве что вместо шута.

– А утром я тебя отпущу, – твердо закончил Стел. – Дам денег на дорогу до Ерихема, можешь вернуться к моей матушке. Или как знаешь.

Рани болезненно усмехнулась. Брови медленно опустились, сомкнулись губы, сощурились глаза. Она смотрела внимательно, пристально, будто бы запоминая. Или проклиная. Покусала губы, вдохнула – и промолчала.

– Я был на совете, – Стел захотел оправдаться. – Предводитель в грош меня не ставит. Боюсь... боюсь, я не смогу дать тебе то, что хотел. То, в чем ты нуждаешься. Я не знаю, что будет дальше. Раз у тебя есть причины уйти, я не вправе тебя удерживать.

Рани кивнула несколько раз подряд, глядя в синюю темноту за его спиной.

Близилась стена дождя. Густел туман. Вдали взвыла собака.

– Да. Так всем будет проще, – глухо прозвучал ответ.

В нос ударил запах бездомности. И тины. Глаза Рани блеснули маслянистой пленкой городского пруда.

– Но... я бы хотел, чтобы ты осталась со мной, – внезапно для самого себя добавил Стел.

Безрассудно. Глупо. Искренне.

Заигрался в спасителя? Чушь. В конце концов, решение остается за ней.

По малому кругу лагеря, мимо котлов с томящейся над углями кашей, Рани безмолвно шагала вслед за Стелом. Позади главного шатра притаилась часовня. На массивных камнях круглого основания высился резной восьмигранник, острый купол венчала игла – символ Единого бога. В провалах стрельчатых окон и за распахнутыми дверьми – по одной на каждую сторону света – горели свечи, блестел свежeweымытый пол. Рыцари и оруженосцы рассаживались вокруг часовни: на бревнах, пеньках, камнях и одеялах поверх сухой травы.

– Древняя часовня, – пробормотал Стел. – Должно быть, еще саримская.

– С чего ты взял? – фыркнула Рани и недоверчиво покосилась.

– Горожане строят храмы без единого угла, а окна закрывают особым цветным стеклом. Оно сгущает внешнее тепло, и оттого внутри легко дышать и... колдовать. В Школе Магии используют такое же стекло.

Рани резко оборвала его:

– Да, туго тебе придется – в походе-то лекции читать некому.

Стел нахмурился. Впрочем, быть может, ей это действительно ни к чему.

Из главных восточных дверей часовни вышел Слассен и остановился на ступенях. Свет мягко очерчивал контур хламиды, широкий капюшон, ниспадающий до пояса, свободные рукава. Бесчисленные темные складки перемежались рыжими отблесками, а над головой пальцы складывались лодочкой, будто ветви сухого дерева.

– Пойдем внутрь? – примирительно предложил Стел.

Рани достала из набедренного кармана самокрутку и прикурила от огнива.

– Я в храмах на всю жизнь намолилась.

– Что-то ты не похожа на праведную прихожанку, – усмехнулся Стел.

– Я выросла в храмовом приюте, – она смотрела в небо и сосредоточенно выпускала дым рваными кольцами.

– А... – Стел замялся, но так и не решился спросить, как она осиротела. – Но это особая часовня, я чувствую, что эти камни напоены теплом.

– Какие набожные нынче маги! – она задрала верхнюю губу.

Стел пропустил ее презрение мимо ушей.

– Наоборот, с тех пор как я понял магию, я стал... лучше слышать ответы Сарима.

– Хорош врать! – Рани коротко затынулась. – Я не вчера родилась. У храмовников и рыцарей аж губы трясутся, как бы не запятнать себя вашей нечистой магией!

– О, так это бабушкины сказки! – Стел негромко рассмеялся. – Это пошло еще от саримов. У них ворожить мог любой, но они никогда не вмешивались в основы мироздания. А магами звались те, кто нарушал замыслы Сарима.

Она затушила самокрутку.

– И мне посчастливилось встретить самого добропорядочного мага...

Рани вновь смотрела ему в глаза, пристально, пытливо. Что пытается она разглядеть?

Стел моргнул и облизал губы.

– Ты выросла в храмовом приюте и... не веришь?

– О нет, я не верю – я верую! – Рани смиренно склонилась и уселась на округлый валун в стороне, обхватив его коленями. – Потому и сбежала в четырнадцать лет из приюта – верила, бог не бросит.

– Даже когда мы не верим, он все равно в нас. Когда мы просим невозможного, он ведет нас по острию лезвия, но в конце концов дает то, что нам действительно нужно, а не то, что мы просили.

– Что ты знаешь про острие лезвия? – Рани сплюнула под ноги и отвернулась.

– Ничего, – тихо сказал Стел. – Но я хотел бы знать. Ты могла бы мне рассказать.

– Рассказать что? – Она вскинулась и посмотрела ему в глаза.

– Что случилось с родителями? Почему сбежала из приюта? Как оказалась на мосту? – Стел помолчал и добавил: – Что произошло сегодня?

Она больше не смотрела на него, а с подчеркнутым любопытством изучала обкусанные ногти.

– Тебе вправду все это нужно?

Стел коротко кивнул.

– Зачем? – Он растерялся, и Рани не дала ему ответить. – Ты играешь со мной. Спроси Сарима, куда ты идешь и зачем тебе в попутчиках самоубийца.

– Я не играю, – твердо произнес Стел. – Я с тобой честен. Я хочу, чтобы ты решала сама.

Развернулся и пошел к часовне.

– Если он все равно в нас, то зачем нужны храмы? – раздалось за спиной.

Камни, обкатанные ветром и тысячами прикосновений, блестели влажными обмылками, манили. Стел невесомо коснулся стены. Вмиг пересохла губы, задрожали пальцы, по коже тянуло упругим ветром. Тепло, намоленное веками, пульсировало, врывалось в душу, очищало.

Стел сбросил грязные сапоги у южных дверей и вошел босым, опустился на колени. Серые камни нависали уступами купола. На широких полках чадили свечи цвета топленого молока. По кругу чернели резные буквы завета праведников:

«Когда отринешь самого себя, взлетишь над мигом между
вдохом и выдохом,
ты прикоснешься к единству мира, напьешься сути своих
стремлений.

Когда пройдешь путем покоя жизнь, Единый впустит душу
в Вечные сумерки.

Иначе вечность в плену желаний ты не дождешься восхода
солнца».

В окно скользнул ветер, взъерошил волосы на затылке и прохладой рассыпался по
коже. Тишина залила уши. Стел медленно выдохнул и закрыл глаза. Густо пахло
воском, на веках сквозь красный свет проступали темные разводы.

Слассен затянул молитву благодарения. Ученики протяжно подпевали.

«Сарим, прости.

За то, что я сказал, и за то, о чем промолчал.

За то, что я сделал, и за то, что мог бы сделать, но не стал.

Сарим, помоги.

Увидеть цель, путь и спасение. Дойти и обрести мир и покой».

Рокот считает Стела глупым мальчишкой. Зачем идти за ним? Рани ненавидит
рыцарей. Зачем вести ее за собой? Можно уйти и забрать Рани, но Агила верит, Стел
нужен в походе. Сарим, прости и укажи путь!

Выдох уносил мысли и боль. Тревогу. Гнев. Память.

Вдох искрился светом, погружал в бездонную глубину. Наполнял покоем.

Ладони, сложенные лодочкой над головой, тяжелели, сгущали тепло.

От земли пахло хвоей. Кисло-сладко, протяжно. Солнце, просеянное листвой, стекало
по медовым стволам, цеплялось за чешую коры и пятнами света впитывалось в тропу.
Впереди, за поваленным замшелым стволом, темнел силуэт. Штаны собрались
складками у сапог, рубаха мешковато свисала с плеч. Из-под повязки на голове
выбился локон. Девушка замерла, обернулась и махнула рукой.

Стел глубоко вдохнул – будто из-под воды вынырнул – и открыл глаза в часовне.

В дверном проеме стояла Рани.

– Я иду с тобой, – сказала она. – И запомни, это я сама так решила.

Стел кивнул. Теперь они оба шли по острию лезвия.

Глава 11

Миндалевидный глаз неотрывно смотрел на Стела медным, позеленелым от времени зрачком. Сплетение лошадиных голов, хвостов и человеческих тел норовило сорваться с барельефа. От земли пробирал озноб. Ветер завывал конским ржанием и предсмертными криками. Стел смаковал пряные отголоски тепла: мастер, умерший сотни лет назад, восхитительно и страшно продолжал жить в своем творении.

– Какая жуть налеплена на воротах... – зевнула Рани.

Худошавая кобыла топталась на месте, выбивая из брусчатки пыль. Наездница куталась в шерстяной плащ, сутулилась и походила на встрепанного воробья.

– Искусство, – пробормотал Стел. – Творение рук человеческих, – он перевел взгляд на Рани, вновь на ворота – и улыбнулся, многозначительно округлив глаза: – Я знаю, что делать! Тебе нужно туда.

Рани вытянула шею и беззвучно проговорила, на шутовской манер растягивая губы:

– Куда?

– В Каменку. – Непроницаемый болотистый взгляд не выражал ни единой мысли, и Стел добавил: – На воротах изображена битва за Каменку.

Рани лишь усмехнулась широко открытым ртом, но Стел не сдавался:

– Я веду переписку с их настоятелем. Ты могла бы остаться там помогать...

– Что-то вроде заключения в храмовом приюте? – фыркнула она и перестала паясничать.

– Зачем ты так? Там простор, свобода...

– Хочешь, чтобы я оказалась подальше от тебя? – сощурилась она, заглядывая ему в глаза.

Стел уставился на ворота. Сарим, одари терпением!

Громыкнули засовы, створки медленно разошлись, и лица кочевников на барельефе потеряли сходство с человеческими. Рыцари ровными рядами хлынули на степной тракт.

– Хочу, чтобы ты оказалась подальше от них, – Стел кивнул на отряд.

– Ты крайне заботлив.

Рани отвернулась, стукнула пятками по лошадиным бокам и заняла свое место в общем потоке. Стел поравнялся с ней и негромко добавил:

– А на обратном пути я бы тебя забрал, если бы ты захотела.

В ответ она лишь надменно задрала брови. Стел резко выдохнул и запрокинул голову. Она издевается?! Раз он маг, то может направо и налево мысли читать, что ли?

За спиной с грохотом закрылись Южные ворота – самые крупные ворота Окружной стены, растянувшейся вокруг городов на многие дни пути. Будто захлопнулись двери родного дома.

Поход начался.

В лицо ударил предутренний ветер, холод пробрался в ноздри. Сизая степь раскинулась от горизонта до горизонта под угольным небом с малиновой подпалиной рассвета. В ложбинах белел лежалый снег, но даже с закрытыми глазами от кончиков пальцев до кончиков волос ощущалась весна. Весна.

– Жизнь научила меня далеко не загадывать, – мягко произнесла Рани.

Едва рассвело, по степи раскатился басовитый гул рога – Улис протрубил привал.

Стел натянул поводья, и Мирный, мохноухий мерин, послушно сошел с дороги. Прошлогодняя трава, подернутая изморозью, стыло шелестела на ветру. Отряд растянулся по тракту, в хвосте громыхали фургоны, пестрели гривы, на высоких древках развевались знамена: меч, пронзающий яркий солнечный диск, на голубом, еще не выцветшем полотнище. Впереди, у колодца, сложенного из грубо отесанных валунов, собирались дольные.

– Займись пока лошадьми, – Стел спрыгнул на землю и бросил поводья.

Рани ловко их ухватила, смиренно склонив голову:

– Будет исполнено!

Он только фыркнул и поспешил к колодцу.

Рокот на полголовы возвышался над дольными, крупные, навывате глаза самодовольно блестели. Волосы лоснились в первых лучах солнца, по щекам вились вычурные бакенбарды.

Стел не успел подойти, но Улис, не дожидаясь его, подобострастно доложил:

– Все в сборе! – короткие усики дольного, выщипанные по последней моде, дернулись.

Не так-то просто заставить рыцарей считаться с собой. Улис смотрел исключительно на Рокота, Борт и вовсе что-то выглядывал за горизонтом, пожевывая губы. И только Натан тепло улыбнулся Стелу и с наслаждением отхлебнул из кружки.

– Изменения в маршруте, – без лишних предисловий начал Рокот. – После привала сворачиваем с тракта и двигаемся строго на запад.

Сворачиваем с тракта?! А как же Каменка, образцы, свитки? И Рани: что бы она ни говорила, а в Каменке ей было бы куда лучше, чем в отряде...

Стел прикусил язык. Вдох, выдох. Нельзя торопиться. Нужно послушать, что скажут остальные.

Дольные молчали. Громыхало о стенки колодца ведро, перекликались рыцари, ветер стучал сухими колосьями.

– Вопросы разрешены? – Улис облизал губы.

– Спрашивай! – Рокот махнул рукой с деланным радушием.

Ему бы в балаганы Лура с такой ухмылкой и жаждой зрителей!

– Зачем? – Тонкие брови дольного домиком сошлись над переносицей – не иначе вторые усики! – Дорога до Каменки спокойная, проверенная. Постоялые дворы, удобные постели, еда...

– Постели, еда, – повторил Рокот, задумчиво поглаживая бороду. – Ответ, что мы так выиграем время, тебя устроит?

– Но разве мы спешим? – переспросил Улис и улыбнулся, заглядывая ему в глаза.

Рокот устало вздохнул:

– Выиграем время и появимся внезапно. Раз в Каменке общаются с лесниками, то наше приближение не удастся сохранить в тайне. К чему терять такое преимущество?

– Ноу меня поручение от Мерга! – не выдержал Стел. – Там образцы, свитки, слитки серебра для наполнения теплом. Какое право ты имеешь вот так самовольно менять маршрут?

Рокот возмущенно задрал брови и вдруг расхохотался:

– Да такое право, что я здесь главнокомандующий и мне виднее.

Сегодня все сговорились с ним паясничать?

– Виднее что? Ты ничего не знаешь о жителях леса. Не хочешь пустить разведку. Не хочешь спрашивать о них в Каменке. У тебя хотя бы есть план?

– Довольно. Я знаю то, что они люди, из плоти и крови, – Рокот перестал смеяться. – Твои изыскания хороши, но не оправдывают риски. Точка. Еще слово, и ты у меня пешком пойдешь до самого леса. Вопросы?

Стел сжал кулаки и набрал воздух, чтобы продолжить, но Натан ощутимо толкнул его в бок и многозначительно кашлянул. Оставалось только с усилием выдохнуть и стиснуть зубы. Старый рыцарь прав, пререкаться с главнокомандующим, да еще у всех на глазах, – по меньшей мере глупо.

– А что с водой? – басовито прохрипел Борт.

Оказывается, молчаливость – вовсе не признак тугодумия...

– В точку! – Рокот больше не смотрел на Стела, будто забыл о его существовании. Он указал на Борту: – Ты командуешь разведкой. Отбери пять-шесть рыцарей побойчее и выступайте.

– Карты нет? – Борт моргнул.

– Карта есть, – Рокот вытащил из поясного футляра свиток. – Вот только родников на ней нет.

– Но ты знаешь, где найти воду? – прищурился Натан.

Его голос звенел от напряжения. Рокот едва заметно приподнял бровь и склонил голову, внимательно вглядываясь в лицо дольного, перекошенное странной ухмылкой, и негромко ответил:

– Кое-что осталось в голове от былых времен.

Эти двое явно знали больше, чем произнесли вслух. Как же Стел ненавидел подковерные игры! Он не понимал, почему Рокот меняет маршрут, в чем подозревает его Натан и чем это в итоге обернется для него самого.

Отыграв в гляделки, Рокот развернул карту.

– Мы идем на запад, забирая к северу...

– Стой-стой, – перебил Улис, оттягивая на себя край свитка. – Это Окружная стена?

С явным неудовольствием Рокот отобрал у него лист.

– Да. Мы прошли по тракту на юг. Вот первый колодец – мы здесь.

– До Каменки пять дней пути, – над картой склонился Натан. – От нее до леса еще три, но для этого мы делаем крюк на юг. А можно срезать напрямик, и получится... – он нарисовал воображаемый треугольник и задумался, подсчитывая.

– Дней шесть, – мрачно подсказал Стел.

Да уж, с вычислениями у вояк не быстро.

– Верно, – сухо подтвердил Рокот и показал окончательный маршрут. – Идем на запад, забирая к северу, до Срединного отрога и потом вдоль него до Степной реки. Вопросы?

Стел глянул на Натана и стиснул зубы.

– Борт, выступайте без меня, я догоню, – Рокот убрал карту. – Натан, ты поведешь основной отряд.

Дольные разошлись, Рокот верхом отправился в степь, а Стел так и остался стоять.

Стоило говорить спокойнее.

Стоило понять мотивы Рокота.

Стоило лучше подготовиться, изучить вопрос... стоило. Зачем он вообще тащится с рыцарями? Вот прямо сейчас можно развернуться и поехать домой. А потом объяснить Мергу, что не увидел смысла в своем пребывании в отряде.

Можно.

Но Мерг не поймет. И прощай родная Школа. Кажется, Стел топтался по этому кругу еще вчера? И выхода так и не нашел, но ситуация изменилась, и теперь...

– Что у тебя стряслось? – Рани протянула ему полный мех воды.

– Мерг приказал мне сопровождать отряд, так? – Он принял тяжелый мех и глотнул.

Рани вытянула губы трубочкой и приподняла брови.

– Мерг приказал мне доставить груз в Каменку, – продолжил Стел. – Отряд в Каменку не идет. Значит, один из приказов я просто обречен нарушить. – Он торжествующе улыбнулся.

– Сам себя не перехитри, умник, – ухмыльнулась Рани.

Конечно, остается еще просьба Агилы, но вряд ли он чем-то здесь поможет. В этот раз принцесса, похоже, ошиблась в выборе исполнителя...

– Жди здесь, – Стел подозвал Мирного и запрыгнул в седло. – Может, мы с тобой погостим в Каменке вместе!

Ухмылка на лице Рани обернулась детской болезненной полуулыбкой, но Стел отвернулся и поспешил за Рокотом. Не сейчас, с загадочными чувствами Рани он разберется позже.

В нос ударил запах разгоряченной лошади и взрытой копытами земли. В ушах засвистел ветер, горизонт смазался широкой полосой. Глаза сами собой широко распахнулись, плечи расправились, ноги вросли в стремя, а за спиной будто раскрылись крылья. Простором и свежестью можно было задохнуться. Задохнуться и умереть счастливым. Сердце замерло. И захотелось кричать. Так громко, чтобы услышал весь мир. Услышал и отозвался.

Когда Мирный замедлил бег, Стел наконец-то смог разглядеть первозданную степь.

Среди прошлогодней бурой травы зеленели новорожденные ростки. Из-за горизонта выкатилось солнце, и косые лучи золотили ворсинки лиловых колокольчиков сон-травы и звездочки горлицы. А над головой необъятным куполом летело небо. Ни один рисунок, ни один свиток не мог передать даже крупницы этого чуда. И непреодолимого желания жить.

Как люди, сидя за толстенной городской стеной, могут думать, что знают о мире все?

Что вообще хоть что-то знают о мире?

Стел закрыл глаза, но разнотравье, подернутое прозрачным маревом, продолжало пестреть на веках. Тепло гудело переполненным пчелиным ульем, сочились из земли, неторопливо текло по лепесткам цветов, сплеталось с порывами ветра. Стел так давно не бывал за городской стеной, что и забыл, какое оно – свободное тепло. Он глубоко, до боли, вдохнул свежесть с невесомым запахом меда и прелой травы, наполняясь до отказа – большего без слитков не унести.

Послышалась сиплая песня дудочки. Чуть ниже, чуть выше – незамысловатый мотив плавно вилял по воздуху, и тепло устремлялось следом. Неторопливое поначалу, оно ускорялось и текло к невидимому музыканту. Степь смазывалась широкими полосами сизой травы, желтыми мазками, лиловыми кляксами, будто кто-то мокрым пальцем провел по картине.

Продолжая разглядывать степь внутренним взором, Стел осторожно направил Мирного на звук дудочки и вскоре у небольшого оврага заметил Рокота. Предводитель сидел на земле, без сапог и кольчужного шлема, и с закрытыми глазами играл на дудочке. Встрепанные черные волосы блестели на солнце, лоб покрывала испарина, несмотря на прохладный ветер. Ничего более нелепого Стел и представить себе не мог.

Рокот колдовал.

И не просто колдовал! Он подчинял токи свободного тепла и задавал им направление. Изменял мир, а сам оставался закрытым и цельным, его жизнь не вытекала наружу. Степные маги сливаются с внешним теплом, выходят за пределы себя – точнее, их телом становится чуть большая часть мира, чем дана от рождения. Города лишены мощных потоков тепла, и потому маги колдуют только за счет внутренних запасов: им обязательно пропускать внешнюю силу через себя.

Рокот колдовал как-то по-своему...

Но какая разница? Он колдовал! Предводитель рыцарей Меча и Света, первый защитник веры Ерихема, образец для подражания вмешивался в пути Сарима! И пусть Стел тысячу раз с пеной у рта доказывал, что магия – разумная и честная магия – вере не помеха, но лицо всего рыцарства не просто нарушил внешние условности – нет, он нарушил закон, утаив свои умения от Школы магии.

– Так вот почему ты боишься заезжать в Каменку! – воскликнул Стел.

Рокот с досадой открыл глаза и опустил дудочку:

– Только тебя здесь не хватает, щенок!

– В Каменке тебя могут учуять и доложить Мергу, – бросил ему Стел. – И ради своей безопасности ты рискуешь целым отрядом и служителями.

Рокот поднялся и принялся натягивать сапоги, бормоча себе под нос:

– Много ты понимаешь.

Одно дело терпеть личное неуважение и даже презрение, и совершенно другое – промолчать, когда попирают закон.

Стел выпрямил спину и спокойно, но твердо произнес:

– Как представитель Школы магии, я обязан доложить о тебе.

– Мне уже страшно, – Рокот зевнул и потянулся до костного хруста.

– Когда все в Ерихеме узнают, что ты неучтенный маг, – Стел старался говорить будничным тоном, – в лучшем случае ты лишишься поста главнокомандующего, а в худшем – загремишь в темницы или даже попрощаешься с жизнью.

Рокот приторно улыбнулся и поймал его взгляд.

– Права не ты мне будешь зачитывать, мальчик.

Как же самодовольно блестят его глаза! И до чего они странные – с огромными зрачками, будто перезрелые прелые вишни, облитые маслом. И этот взгляд пронзает любые преграды, смотрит в самую душу.

Да он ворожит! Лезет прямо в голову!

Стел даже щит не успел поставить – тело не слушалось. И если бы Рокот давил своей волей, с ним можно было бы поспорить, вышвырнуть за пределы себя, но нет, он напрямую изменял токи чужого тела! Стел с ужасом наблюдал как руки налились тяжестью и обвисли плетью. Задрожали колени, подогнулись, и он рухнул мешком. Удар пришелся в правое плечо, отдало в затылок. Резкий запах травы забил ноздри. Перед глазами оказались пыльные сапоги.

Закончился воздух. Вдох – и резкая боль прошла ребра, будто вокруг груди натянулся каленый обруч.

Вдох. Вдох. Вдох!

Но только пустота и тошнотворно-сладкая вонь прелой травы.

Крикнуть бы, да воздуха нет. И губы не слушаются. И от затылка по лопаткам взрываются мурашки, будто укусы громадных муравьев. Кошмар. Не проснуться. Не вырваться. Не вдохнуть.

Сквозь дребезжащий гул обезумевшего тепла Стел услышал:

– Ты будешь слушаться меня, мальчик, и не будешь ставить условий и угрожать. А если мне что-то не понравится, я подпишу вот эту бумагу – и не мне, а тебе нельзя будет вернуться в прежнюю жизнь. Заметь, подпись Мерга тут уже есть. Как ты думаешь, после этого кто-нибудь станет слушать твой лепет?

Прежде чем в глазах окончательно потемнело, Рокот позволил Стелу рассмотреть приказ о его увольнении, действительный только за подписью главнокомандующего.

Глава 12

Колодец щерился старыми камнями и пустовал, только Фруст неподалеку щипал траву. Повезло. Есть места, с которыми лучше наедине. Рокот медленно опустился на край обвода и потер виски. Голова гудела из-за потехи с горе-колдуном, шевелиться не хотелось.

Жаль, что вышло так бестолково. Сынишку Вирта удобнее было бы иметь в союзниках, но воспитание у него, увы, бабское, пришлось преподать мальцу урок послушания. Как же щенок на отца-то похож, того и гляди погибнет так же бездарно, и останется на совести Рокота целых два неудачника Вирта.

«Это усталость, старик, – сказал он себе, – всего лишь усталость».

Он вытащил из поясной сумки резную дудочку, приложил потертое дерево к губам. Потянулись низкие старые ноты. Тепло лежалой травы, рваного ветра и прилипшей к сапогам пыли лизнуло щеку – послушное тихим звукам, оно ластилось, как истосковавшийся по хозяину пес. Рассвет окрасил бока грубо отесанных валунов,

подчеркнув уродливую сеть трещин. Трещины подобны морщинам – чудно, но даже камни стареют морщинами, глубокими, черными как ночь.

Та ночь, что случилась лет двадцать назад.

Рокот шел по степи. Прохлада свербела в ноздрях, тревожила гортань. Деревянный шар приятно катался в ладонях. Пальцы так и тянулись к резной пробке, украшенной пятнистыми перьями.

«В этом сосуде глоток воды горного Истока, – говорил степной колдун. – Выпей – и ты увидишь мир до последней крохотной песчинки. К утру вновь станешь собой, но понимание сути останется навсегда. И постепенно ты научишься всему».

В этом сосуде запросто мог быть яд. Молодо-зелено. Он выпил одним махом, почувствовав на языке свежесть и привкус серебра, и запрокинул голову. Звезды россыпью теснились на небе, перемигивались голубыми, желтыми, красными искрами, тянулись колкими лучами. А вокруг клубилось густое небо, стекало чернилами, заливало высокие травы. И сочилась от трав в воздух полынная горечь.

Вдалеке мерцали огни костровищ – вражеский лагерь. Но Рокот шел без страха, раскинув руки, пьянея от каждого вдоха, впервые пробуя магию на вкус. Это потом он узнает, как душно в Ерихеме, какво колдовать собственной жизнью и ворованным теплом. И настоящую цену умения искать воду узнает. А пока он шел, слыша каждый шорох полевок, каждый взмах совиного крыла, ловил раскрытыми губами прохладу и был неприлично молод. А под ногами, глубоко в толще земли, струилась река, вбирала родники, притоки, озера, расходилась рукавами, обрушивалась водопадами и пробивалась к поверхности.

Заиграла дудочка. Наивно и беззащитно заскользила в потоках ветра простенькая мелодия. Рокот повернулся на звук – громадные черные силуэты закрывали звезды. Он видел этих каменных идолов днем, когда сражался. Со времен кочевников они глядят раскосыми глазами на степь, и сегодня под их надменным взглядом Рокот впервые убил.

Убил человека.

Меч вошел в тело внезапно легко, как в соломенное чучело на тренировочном дворе. Степняк вскинул руки, обмяк и свалился под копыта. Кровь впиталась в землю, в камни капища и в память. Первое убийство помнится всю жизнь. Могло бы его не быть? Не могло. Не этот степняк, так другой. Не здесь и не сейчас, но однажды Рокот все равно бы убил впервые.

Вот только мертвые не играют на дудочках. И Рокот пошел узнать, кто же такой смелый там объявился.

Песня оборвалась, когда он приблизился к капищу. Идолы утробно гудели, скрежетали каменными костями, сонно дышали воздухом древних ветров, грезили о кровавых жертвах и забытых обрядах.

– Здесь будет колодец, – произнес знакомый голос.

У подножия статуи сидел тот самый колдун, позвякивая на ветру костяными бусинами. Бархатистый свет исходил от него волной с привкусом гречишного меда и ореха. Рядом покоилось опустевшее тело убитого, убранные колосьями ковыля. А подземная река и вправду текла так близко, что можно было услышать шум воды.

– Почему ты не ушел? – непослушными, будто отечными губами проговорил Рокот.

– Я должен был спеть песню освобождения брату, – темнота скрадывала его лицо, только поблескивали глаза. – Я не мог его оставить.

– Это я его убил, – небрежно бросил Рокот – и на камнях тут же проступила кровь, зазудели на руках засохшие пятна.

– Знаю, – колдун ответил глухо, но как-то слишком легко. – Я видел.

И ни капли горечи – все тот же приторный запах меда.

– Ты подарил победу в войне убийце родного брата, – прошипел Рокот. – Стоила того твоя жизнь?

– Победу ли? – Степняк тихонько рассмеялся. – Моему брату судьба была умереть здесь, а моя жизнь – залог свободы степей. Ты уверен, что вас спасет эта вода?

Смеется? Он смеется?!

– Судьбу не знает никто, – Рокот с размаху ударил каменного идола. – Ты всего лишь предатель, помог врагу, чтобы спасти собственную шкуру.

Степняк поднялся и вышел из тени на звездный свет. В серебристых отблесках его лицо казалось по-звериному прекрасным, а губы растянулись широкой улыбкой, от уха до уха.

– А тебе судьба была научиться степной магии. Ты вылечишь жену от бесплодия и станешь отцом.

Мирта не бесплодна! У них нет детей, но такова судьба.

Или нет? Улыбка колдуна прожигала насквозь – не ядом, но жуткой искренностью, от которой у Рокота стыла кровь.

– Я вмешался в замысел Сарима и впустил в душу магию только ради монарха, – твердо ответил Рокот. – Я не пойду дальше.

– Но твой бог хочет, чтобы ты пошел дальше и вмешался в его замысел! Иначе твои дочери никогда не родятся.

– Мои дочери?

Дочери? Не сын?

Он только теперь понял, что ждал сына. Стремился стать лучшим предводителем, чтобы сын никогда не стыдился отца.

– Твои дочери, – степняк перестал улыбаться. – И ты сам поймешь, что нужно делать – ты слышишь сейчас Теплый мир. Или Сарима, как вы его называете.

Нет, Рокот не позволит ему насмеяться над богом! Сарим не может благословлять на нечистую магию!

– Ты не знаешь, что хочет Сарим! – он вытащил меч. – Убирайся, пока я не передумал и не убил тебя.

– Если я не знаю судьбу, задуманную для нас Теплым миром, то мы оба с тобой всего лишь предатели, не так ли? – Степняк протянул ему дудочку. – Прощай и держи на память. Сыграешь на ней колыбельную дочерям.

Рокот опустил меч и левой рукой принял теплое дерево, украшенное кружевной резьбой.

– Памятное место, – раздался за спиной голос Натана. – Помню как мы крушили идолов, чтобы сложить обвод.

– Памятное, – Рокот не обернулся.

– Ты играешь на дудочке? – усмехнулся Натан.

Рокот посмотрел на старого дольного. Его аккуратная седая борода рыжела в утреннем свете, а в глазах поблескивали задорные искры. Что его веселит?

– Так и не выучил ни одной колыбельной, – процедил Рокот.

Колыбельные Лилу и Амале пела Мирта.

– Ни одной колыбельной? – нахмурился дольный. – Откуда она у тебя? Такая резная... что там написано?

– На ней написано: «Судьбу не знает никто», – пробубнил Рокот и спрятал дудочку.

Натан сощурился, словно довольный кот:

– Я бы хотел прогуляться с боевым товарищем по местам былой славы.

Стоит узнать, что замышляет у него на примете.

– Только недолго, – Рокот поднялся и похлопал Фруста по белоснежной холке – конь фыркнул и выгнул шею. – Кори, воду! Вечно его не дозовешься.

Такие оруженосцы, как Ларт, – один на сотню. Если не на тысячу. Его нелегко заменить.

Кори, лопухий и прыщавый паренек, подбежал, ухватил повод Фруста и кивнул, клацнув зубами.

– Долго не возись, тебе выступать с отрядом Борта, – медово произнес Рокот и неторопливо зашагал прочь от общего привала.

Поначалу Натан только плелся следом, сопел и шуршал травой, но потом заговорил:

– Степь напоминает о Грете.

Рокот кивнул. Кот подбирается издалека.

– Скажи, вы были друзьями? – Внезапный вопрос. И обманчиво добродушный.

Друг. Какие высокие категории.

– Грет много для меня значил, – Рокот постарался ответить честно. – Я так и не встретил соперника достойнее.

– Если Грет много для тебя значил, то почему ты... – Натан замялся. – Почему ты так относишься к его сыну?

– Как? – Рокот нахмурился.

Натан, всегда осторожный и собранный, сейчас как-то особенно расстарался: борода, усы, бакенбарды – волосок к волоску, подшлемник расправлен – ни складочки, а в глазах все те же искры. Вот только вовсе не зазорные.

Безумные.

Кот приготовился к прыжку.

– Мальчишка из кожи вон лезет, а ты и слова ему не даешь сказать, – тараторил он, словно боялся отступить. – Думаешь, Грет поступил бы так же с твоим сыном?

Рокот стиснул зубы, чтобы не заорать. Вдох-выдох. Вдох.

– Нет ни Грета, ни сына, – прорычал он и остановился. – К чему этот разговор? Я уже говорил, но могу повторить: я не хочу, чтобы Стел повторил судьбу Грета. А пока все его предложения ведут к этому.

– Какую судьбу? – взгляд дольного метался, дыхание сбилось.

– А ты не знаешь? – одними губами улыбнулся Рокот. – Грет загремел в плен и умер.

– Но умер он не в плену, – Натан склонил голову. Морщины собрались вокруг глаз – этакий Осиновый старец, что приходит в день Урожая и дарит хорошим детям спелые тыквы, а плохих забирает в подземную нору. И сейчас он явно пришел к плохому ребенку. – Я слышал, Грет составил план Каменки, без которого не видали бы мы победы.

– Слышал ты... – сплюнул Рокот. – Ты слышал, а я его сам вытаскивал из каменных подвалов и держал за руку, когда он умирал.

– И как же он умирал? – прошептал Натан.

– Мучительно долго, – Рокот поморщился. – А был бы жив, если бы не плен. И спасавший его отряд был бы жив.

– Но ты же жив? Единственный из того отряда.

Так вот к чему этот балаган! Кот думает, что поймал мышку, но обвинения запоздали лет на двадцать, можно уже ничего не объяснять.

Но объяснить хотелось.

– Мне повезло, – спокойно, даже равнодушно сказал Рокот. – Я дождался подкрепления. Грет не дождался.

Не без помощи Вереска, того колдуна, что подарил Рокоту магию, они вытащили Грета, но было уже слишком поздно: он подхватил степную белую лихорадку. Ребята бились с каменной погоней насмерть, и Рокот полег бы с ними, если бы не Грет. Впрочем, к чему подробности? Живые запомнили его сильным.

– Он погиб как герой, – вслух закончил Рокот.

– Однажды я трусливо промолчал, но что, если кто-то еще поплатится жизнью за мое молчание?

– Не уподобляйся дворцовым интриганам, – почти заорал Рокот. – Говори прямо!

– Если бы я рассказал, что ты отпустил пленного степняка и тебя бы вывели на чистую воду, Грет был бы жив?

Весь Ерихем, что ли, знает о магии Рокота?! Но Натан опоздал и с этим козырем, ему ли тягаться с Ерихом и Мергом?

– Нет. Не был бы, – тихо, но твердо произнес Рокот. – Раз ты считаешь, что я убил Грета, – остерегайся, ты своей смертью вряд ли кого-то спасешь.

Дольный побледнел, будто от степной лихорадки. То-то же. Страх – лучший способ управлять людьми.

– Ты присягал Ериху именем Сарима, и потому ты остаешься моим дольным, – заключил Рокот. – Клянешься ли ты действовать в интересах похода?

– Именем Сарима, клянусь.

Рот наполнился полынной горечью. Не беда.

У главнокомандующего и не должно быть друзей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию на ЛитРес](#).

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.